

Елизавета Дворецкая

Цикл «Огнедева». Книга первая

Дочери Волхова

Огнедева

Елизавета Дворецкая
Огнедева. Дочери Волхова

«Автор»

2010

Дворецкая Е. А.

Огнедева. Дочери Волхова / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2010 — (Огнедева)

ISBN 978-617-12-5741-2

В центре событий романа – дочери древнерусского воеводы Домагостя. Кроме принадлежности к наидревнейшему роду и редкой красоты девушки обладают необыкновенным даром и несут на себе благословение богов, поэтому самой судьбой им назначено оставить яркий след в истории своего народа. Старшей, Яромиле, волховской Леле, суждено встретиться с князем Оддом Халейгом. Сможет ли средняя, Дивляна-Огнедева, поступиться любовью к плесковскому княжичу Вольге и подчиниться воле богов ради служения своему племени?

ISBN 978-617-12-5741-2

© Дворецкая Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Елизавета Дворецкая Огнедева. Дочери Волхова

*** * ***

© Дворецкая Е., 2018

Предисловие

Перед вами книга, посвященная жизни славянских племен от Волхова до Днепра в конце IX века. Старая Ладога, ныне поселок Волховского района Ленинградской области, была и остается совершенно особенным местом. В те времена, когда большинства знаменитых летописных городов еще не возникло, она уже существовала, более того – оказывала немалое влияние на международную торговлю и даже политику. Все знают, что именно здесь обосновался князь Рюрик, явившийся на Русь где-то во второй половине IX века. Но как выглядела та Ладога, которую он застал? К тому времени ей исполнилось уже сто, а то и сто пятьдесят лет, и ее существование отнюдь нельзя было назвать безоблачным. С середины VIII века – именно тогда выходцы из Скандинавии основали здесь первое поселение – примерно каждые 30–50 лет Ладога переживала коренной переворот, вернее даже будет сказать, катастрофу. В огне пожаров сгорали дома, население погибало или уходило, уступая место другому. Славяне сменяли варягов, варяги – славян. Приход Рюрика с его дружиной стал пятым переломом в жизни Ладоги. Так какой же она была к тому знаменательному дню, когда будущий основатель Русского государства сошел на зеленый берег под ярко-синим ладожским небом? Что за люди в ней жили?

Прежде всего русскими или русами они себя тогда еще не называли. Совсем наоборот – слово «русь» для них обозначало безжалостных врагов, тех самых воинов из морских дружин шведского побережья, которые нередко являлись сюда, чтобы грабить, увозить в плен и даже пытаться захватить власть над землями волховских словен. Ладожане жили на самом краю Варяжского моря, в постоянной опасности, но именно через Ладогу восточное серебро поступало на Север, и здесь соединялись торговые пути со всех сторон света. У них не было князей с дружинами, и в случае заморского набега дружиной становились они сами – кузнецы, рыбаки, охотники и торговцы.

Ладожский воевода Домагость не зря гордился своими дочерьми – умницами, красавицами, от бабки унаследовавшими мудрость древних волхов. Старшая, Яромила, носит в себе благословение богов, но и ей хочется жить и любить, как всякой обычной девушке. И вот однажды он приходит к ней – Князь Высокого Пламени, так похожий на одного из богов, но подаривший ей настоящую страстную любовь. И кем бы он ни стал для далеких потомков, для нее он – единственный на свете мужчина, которого она готова ждать вопреки всему. Ее сестра Дивляна – бойкая и задорная, может быть, немного легкомысленная, даже не знает поначалу о том, какие чудесные силы в ней дремлют, и упорно отказывается от выпавшей ей высокой чести ради того, чтобы просто быть с тем, кого она любит. Одной из дочерей Домагостя суждена удивительная доля – ей предстоит стать женой князя далекой земли и проложить племенам дорогу в будущее, о котором раньше никто и думать не мог. А у них ведь есть и третья сестра, Велеська, – она еще мала, и как знать, что из нее вырастет?

То, чему летописец потом уделит несколько скупых строк, записывая предания и легенды полуторавековой (для него) давности, на самом деле было целой эпохой – эпохой перелома, навсегда изменившей жизнь целых народов. Судьбы племен и судьбы отдельных людей причудливо переплетаются, и только по прошествии веков станет ясен истинный смысл всего происходящего. А пока люди, знатные и простые, хотят лишь счастья для себя, мира для своей земли, благополучия потомкам. Что двигало героями легенд, что посылало их в судьбоносные походы? Попробуем увидеть в них обычных живых людей – они ведь не знают, что будущее припасло для них местечко в школьных учебниках, а кому-то даже памятник в бронзе... И Рюрик, и Олег, и Аскольд так же далеки от мыслей об этом, как каждый из нас. Стоит обыч-

ный весенний день, ослепительно белые облака отражаются в синей воде Волхова, несущего лоды¹ торговых гостей. Все еще только начинается...

Это эпоха, о которой даже Нестор-летописец со товарищи толком ничего не знал, но с тех пор наука значительно расширила возможности писателя. При работе над романом использовалось множество материалов из разнообразных источников – археологических исследований, малоизвестных скандинавских саг и легенд, народной культуры славян и их многочисленных соседей. Это глубина, лежащая под первыми, самыми ранними страницами русских летописей. Вы увидите страну, которой не знал даже Нестор.

¹ Лоды (лады) – здесь и далее используется устаревшее написание. (*Примеч. ред.*)

Глава 1

Ладога, 890 год

С вершины Дивинца поднимался столб дыма, хорошо видный в ясный весенний день. Это означало, что по Волхову идут от моря варяжские корабли – первые в это лето. Приблизился к концу месяц березень, и Домагость, ладожский старейшина и хозяин самого крупного в нынешней Ладоге гостиного двора, так рано их не ждал – думал, как всегда: справим Навью Седмицу, отгуляем Красную Горку, а там и за летние хлопоты примемся. Но приплыли так приплыли.

С мыса над устьем Ладожки было хорошо видно широкий Волхов внизу и лодьи на нем. Первым весенним гостем оказался старый знакомый – Вестмар Лис. Домагость сразу узнал его, увидев на носу передней снеки рослого, довольно худошавого мужчину лет тридцати пяти, со светлыми волосами, заплетенными в косу, светлой бородкой, в широких розовых штанах, крашенных корнем марены, синей верхнице и лисьей безрукавке мехом наружу. Приятели шутили, что Вестмар носит лисью шкурку, чтобы ловчее вести свои торговые дела. На груди у него красовалась железная гривна с двумя подвесками в виде молоточков, которые называются «торсхаммер» и которые так любят уроженцы Земли Свеев. В этот раз с Вестмаром пришло аж три корабля – то ли разбогател за прошедший год, то ли нашел новых товарищей. Наметанным глазом Домагость оценил сложенный груз: тюки, обернутые от морской воды тюленьими шкурами, бочонки – видимо, соль. На тюках, бочонках, просто на днище сидели, плотно прижавшись друг к другу, десятка два женщин – все молодые, одетые в потрепанные рубахи, серые и грязно-черные. Надо думать, пленниц везет на продажу. Значит, собрался не до Ладоги и обратно в Варяжское море, а дальше, на Волжский путь. Вестмар Лис был одним из немногих, кто решался изредка отправляться в те края – до болгарской земли. Потому и людей так много вел с собой – меньшим числом слишком опасно. Обычно варяжские торговые гости являлись в Ладогу, обменивали свои товары на местные и в то же лето отправлялись обратно, чтобы успеть с ладожскими мехами и медами попасть в какие-нибудь вики при Варяжском море, где на этот товар была хорошая цена.

Посмотрев, как первый из кораблей входит в устье Ладожки, Домагость спустился с мыса и пошел к берегу – встречать. Вестмара Лиса он знал хорошо – в прежние годы они немало вечеров провели вместе, распивая то пиво, то брагу, обсуждая дела всех на свете стран и народов, о которых Вестмар, посещающий в год два-три вика, знал довольно много.

Когда Вестмар сошел на берег, Домагость уже ждал на мостках, ведущих от воды до гостиного двора, по привычке засунув пальцы за пояс и широко расставив ноги, как истинный хозяин этой земли. Возле него стояли сыновья, ради такого случая бросившие работу: Доброня и Братоня, оба прямо из кузни, в передниках из бычьей кожи, а еще Велем и даже тринадцатилетний Витошка, младший. За спиной толпились пять или шесть челядинов, готовых помочь, если надо, с переноской груза. И позади всех, поодаль, перед дверью дома, собрались Домагоствева женщины – жена, дочери и челядинки. Прибытие первого гостя в году – всегда событие, всегда радость для людей, полгода не видевших новых лиц. Весь свободный от работы народ, привлеченный дымом над Дивинцом и видом идущих кораблей, бежал отовсюду – посмотреть, кто приехал, что привез.

– Хейль ду, Вестмар Халльвардссон! – Домагость приветственно поднял руку. За полтора века совместного проживания ладожане настолько свыклись и сроднились с варягами, что даже малые дети здесь могли связать несколько слов на северном языке, а уж в семействе Домагостья легко объяснялись даже челядины. – Привет тебе! Порадовал ты нас, мы еще и ждать не начали. Хорошо ли добрался?

– Поздорову ли, Домагаст Витонещич? – в ответ по-словенски выговорил Вестмар. Он довольно хорошо знал словенскую речь, хотя некоторые звуки ему не давались. – Рад видеть тебя живым и довольным. Если я первый, то у тебя есть место? У меня в этот раз много людей, а еще рабыни. Я надолго задерживаться не хочу, но если у вас еще холодно по ночам, то нужно найти им место под крышей. Это все молодые женщины, и мне хотелось бы довести их живыми и по возможности здоровыми. Они и так ослаблены, их захватили давно и уже больше месяца возят по морю: сначала в Хейдабьюр, потом на Бьёрко.

– А что так – цены не давали? – Домагость окинул взглядом головы пленниц. Люди Вестмара тем временем начали понемногу переносить груз с кораблей на берег, челядины Домагостя покатали бочонки по мосткам к клетки.

– В Хейдабьюре, говорят, с прошлого лета очень низкие цены на рабов, их из Бретланда привозили очень много. Игвальд конунг не стал продавать их там и привез на Бьёрко, а там боги послали ему меня. Мы сторговались очень выгодно: полмарки за каждую сейчас и еще полмарки – когда продам и вернусь. Я не мог упустить такой удобный случай. Но теперь мне придется везти их на Олкогу². Хорошо еще, уговорил Фасти Лысого и Хольма Фрисландского поехать со мной. Иначе у меня не хватило бы людей для такой поездки. А что тут у вас? Как ваши соседи? Твой родич с озера Ильмерь³ еще не провозгласил себя конунгом?

– Да кто ж ему даст?

Следом за Вестмаром с корабля спустились два парня, на вид лет шестнадцати-семнадцати, и остановились за спиной варяга – оба в простой некрашеной одежде, один в вязаной шапочке, другой в войлочной. Лица их с едва пробившимся юношеским пушком выражали скрытое недоумение и надменную замкнутость – как у простачков с хутора, впервые оказавшихся среди множества незнакомых людей и боящихся ударить лицом в грязь.

– Да это никак твои сыновья? – с улыбкой заметил Домагость, окинув юнцов любопытным взглядом.

Вестмар оглянулся.

– Нет, это сыновья моей сестры, – слегка скривившись, ответил он. – Младшие. Старший унаследует усадьбу, а этих двоих она хочет пристроить к торговому делу и попросила меня взять их с собой. Их зовут Свейн и Стейн, сыновья Бергфинна. Если не запомнишь, кто какой, не беда.

– Свеньша и Стеньша, стало быть! – Домагость усмехнулся. – Ну, это нам запомнить не мудрено, у меня самого шурь Свеньша, Синибернов сын. Дивляна! – закричал он, обернувшись к дому, и призывно взмахнул рукой.

Возле двери дома стояли две девушки, с любопытством разглядывая гостей. Всякий понял бы, что это родные сестры, погодки или около того, в самой поре, что называется, маков цвет. У обеих были золотисто-рыжие волосы, мягкие, густые и пышные, с задорными и милыми кудряшками на висках и надо лбом. Старшая, Яромилла, повыше ростом, могла считаться настоящей красавицей, так что дух захватывало при взгляде на ее белое лицо с правильными чертами, красивый нос с легкой горбинкой, тонкие черные брови с маленьким надломом, оттеняющие голубые глаза. При этом сразу было видно, что она умна, обладает ровным нравом и умеет со всеми ладить. На весенних девичьих праздниках она уже лет пять была единодушно избираема Лелей, а на Ярилиных днях водила девичьи «круги» и запевала песни во славу весенних богов. В нарядно вышитой светлой рубашке из беленого льна, с пышным венком на золотисто-рыжих волосах, она выглядела истинной Солнцедевой. Вестмар однажды обмолвился, что на болгарских торгах смело просил бы за такую красавицу столько серебра, сколько она

² Олкога – скандинавское название Волги, возможно, они считали ее и Оку за одно. (Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.)

³ Поскольку название озера Ильмень происходит от угро-финского «ильмари», что значит «небесное», первоначальная форма славянского названия, вероятно, была Ильмерь.

сама весит, и непременно получил бы. Милорада, мать девушек, скривила губы, подумав, не обидеться ли на такую «похвалу», но Домагость только хмыкнул: привыкнув оценивать людей, особенно женщин, как возможный товар, Вестмар Лис дал Яромиле наивысшую цену.

На зов отца подошла ее младшая сестра. Однако и при виде нее Вестмар невольно приосанился и даже провел пальцами по усам.

– О, Диви... лин! – Вестмар попытался правильно выговорить ее имя, но получилось не очень, и он продолжил на родном языке: – С каждой весной она становится все красивее. Удивительно, что еще никто ее от вас не увез, – но я очень рад этому.

Девушка поклонилась, пряча улыбку. К этой весне Дивляне исполнилось шестнадцать лет, и, по мнению ладожан и заезжих гостей, она мало чем уступала старшей сестре. Со светло-рыжими волосами и белым лицом, на котором, однако, по весне появлялось немного веснушек, с яркими серыми глазами, черными бровями и ресницами, небольшим прямым носом, подвижная, веселая, она всегда будто искрилась радостью и жизнелюбием, и мать в детстве называла ее «искорка моя». Даже то, что Дивляна была невелика ростом, делало ее облик еще более драгоценным, словно золотой перстень, который хоть и мал, но дорого стоит. Сообразительная и бойкая, она не робела многочисленных торговых гостей, среди которых прошла вся ее жизнь, но умела оберегать свое достоинство. И то сказать: среди ладожских дев никого не нашлось бы выше родом, чем дочери Домагостя. Прадедом их, ни много ни мало, был ильмерский князь Гостивит, а дед Витонег стал первым ладожским старейшиной после изгнания руси⁴, и он же вел словенские дружины, сбросившие в Нево-озеро Люта Кровавого и его людей.

– Возьми этих двоих, отведи в дом, – велел Домагость, показывая ей на племянников Вестмара. – Это сестричи его.

– И пусть они не устраиваются на лавках с таким видом, будто уже умирают, а готовят места для всех моих людей, – напутствовал их Вестмар. – Да уж, случись мне их продавать, я бы много не выручил... – пробурчал он себе под нос.

Дивляна засмеялась, бросив лукавый взгляд на двух юных гостей, имевших растерянный и довольно глупый вид. Они много слышали об этом вике – Альдейгье, который на морях называли Ворота́ми Серебра. Однако вид его их разочаровал – ничто здесь не говорило о легендарных богатствах, уже более ста лет протекающих этим путем с Севера на Восток и обратно. Вик Альдейгья был обычным поселком, причем маленьким. От подножия мыса, где они находились, в поле зрения попадало не более десятка строений, из них большим был только гостинный двор, а остальные – обычные срубные жилища, беспорядочно разбросанные на возвышенной части берега среди протоков и обрывистых склонов, которые сами по себе служили поселению неплохой защитой. Здесь же впадала в Волхов небольшая темная речка, заросшая болотной травой и кустами. Углубленные в землю избы казались еще меньше, чем были на самом деле. Между ними, на заросших пустырях, кое-где виднелись черные полосы свежевскопанных огородов, паслись козы, веревками привязанные к колышкам. Лежали у воды рыбачьи челны, сушились сети, на кустах у малой речки сохли выстиранные рубахи и порты.

– Этот вик такой маленький? – с разочарованием спросил у девушки парень в вязаной шапочке. – А мы слышали, что это один из крупнейших ви́ков на Восточном пути.

– Это еще не все, – ответила девушка. – Здесь только мы да Братомеровичи, да Синиберновичи и Вологор с семейством, все наше сродье, а там дальше тоже люди живут. – Она показала вдоль берега Волхова. – На несколько верст еще... ну, на целый «роздых», по-вашему. Здесь много людей. Правда, не так много, как при свеях, когда тут сидел ярл Лют Кровавый и дань собирал. Зато теперь мы сами себе хозяева и дани никому не платим.

⁴ Русь – морские дружины из Средней Швеции, промышленявшие разбоем; варяги – мирные торговцы скандинавского происхождения.

– Зато теперь нет дороги по Восточному пути, – пробурчал парень в войлочной шапочке. – Раньше, при свеях, серебро текло рекой, а теперь... Дядя говорил, что люди, которые живут вдоль Восточного пути, враждуют между собой и все норовят собрать как можно больше с проезжающих торговцев, а то еще и ограбить! Только наш дядя Вестмар может ездить здесь, потому что у него хватает ума договориться со всеми и достаточно сил, чтобы защитить свой товар.

– У нас не ограбят! – заверила Дивляна. – До порогов целыми доедете, а там уж мы не в ответе, там с Вышеслава словенского спрашивайте, если что... Вы что же, думали, серебро легко добывается?

Гостиный двор стоял довольно близко от берега, в окружении клетей для товаров, кузницы, бани и прочего в этом роде. Пройдя через пристройку-сени, племянники Вестмара Лиса оказались в доме, напомнившем родной Свеаланд – здесь были ряды столбов, подпиравших кровлю, но стены из бревен. Земляной пол покрывали широкие деревянные плахи, а вместо открытого очага, привычного для северян, в середине располагалась печь из камней и глины, окруженная небольшими деревянными переборками.

– А это зачем? – то ли Стейн, то ли Свейн кивнул на печь и переборки.

– Онучи сушить, – мягко и почти с состраданием – жаль ведь человека, если он такой дурак! – ответила девушка, глядя на гостя, как на неразумное дитя. – И чулки. А товары складывать – сюда. – Она показала в сени и на гульбища, идущие вокруг всего здания, что делало его более вместительным.

Но долго разговаривать с гостями Дивляне было некогда – мать позвала ее, и она убежала, – только пышная рыжая коса мелькнула. У Домагостевой жены Милорады теперь хватало заботы – надо было сразу накормить почти сотню человек, включая пленниц. Спешно послав двух челядинов на Волхов – купить у рыбаков побольше рыбы, – обеих старших дочерей она увела в клеть осматривать припасы. Хлеба весной не было почти совсем, а остатки Милорада берегла для поминаний Навьей Седмицы, зато еще имелась подвядшая репа и сколько угодно кислой капусты.

– Не знаю, скажут свинью резать – будет мясо, – рассуждала она. – Витошка! Беги к отцу, спроси, свинью резать? А ты, Велем, возьми вот репу да неси на берег – Вестмар просил женщин накормить побыстрее, а то, боится, не дотянут. Скажи, если есть совсем слабые, молока ведро дам.

Велем, или Велемысл, если полностью, третий сын Домагостя, тут же взвалил на плечи мешок репы и пошел на берег, куда свеи уже вывели пленниц. В двадцать один год Велем был рослым, сильным, и отец полагался на его помощь и разумение во всех своих делах: и когда зимой ездил по чудинским поселкам, скупая меха, мед и воск для перепродажи варяжским гостям, и когда летом принимал этих гостей в Ладоге. В свободное время Велем помогал старшим братьям в кузнице и вообще не чурался никакой работы. При этом он был очень общительным, разговорчивым, дружелюбным и бойким, порой даже излишне шумным, и уже лет пять избирался вожаком всех ладожских парней – баяльником, как это называлось. Зимой он возглавлял ватагу, которая, по старому обычаю, до весны отправлялась в лес добывать меха, и сам не раз ходил на медведя. Из этих схваток Велем вынес несколько шрамов на плечах и даже на лбу, отчего у него правая бровь была попорчена, но он не смущался и не боялся, что девки любить не будут. Любили его за удаль и веселость, да и лицом он был не так чтобы красавец, но довольно хорош: с правильными чертами, по-мужски грубоватыми. Русые волосы, с таким же рыжеватым отливом, как у сестер, только темнее, расчесанные на прямой пробор, красиво лежали над высоким широким лбом, который указывал на присутствие в его жилах части варяжской крови, на лбу и щеках темнело несколько оспинок, оставшихся от перенесенной в детстве болезни. Короче, третий сын у Домагостя получился хоть куда, и все в Ладоге были уверены, что со временем он займет одно из первых мест среди ладожской старейшины.

– Ты пчела ли, моя пчелынька,
Ты пчела ли моя белая,
По чисту полю полетывала,
Ко сырой земле прикладывалась,

– пел Велем по дороге, и тяжесть мешка ничуть ему не мешала. Ясный весенний день, радость и воодушевление от приезда гостей, нарушившего скуку каждодневного существования, собственная молодая удаля – этого было довольно, чтобы петь.

На берегу уже дымил костер. Двое или трое варягов, оставленные Вестмаром для просмотра за пленницами, развели огонь и повесили над ним большой черный котел с водой. Велем опустил рядом мешок, и один из варягов знаком предложил ближайшим пленницам приняться за чистку, для чего вручил им два тупых ножа с короткими лезвиями и деревянными черенками. Пленницы покорно принялись за работу. Велем окинул их любопытным взглядом. Все рабыни были молоды – само собой, старух не повезли бы через три моря, поскольку плата за них не оправдает прокорм в пути, – и одеты в почти одинаковые рубахи тускло-черного и серого цвета. Изможденные лица выражали покорность и смирение. Никто не плакал, не рвался, никого не нужно было связывать. Впрочем, с привезенными издалека пленниками почти всегда так. Они уже смирились со своей участью, а бежать им здесь некуда.

Почти у всех оказались короткие волосы – не длиннее чем до плеч. У некоторых на головах были грязные повязки и покрывала, но по тому, как плотно они прилегали к головам, делалось ясно, что косы под ними не скрываются. «Это что же – вдовы?» – подумал Велем. Вдовы обрезают волосы после смерти мужа и выходят снова замуж не раньше, чем отрастут косы. Но где варяги набрали сразу столько молодых вдов? «Да нет, – сам себя поправил сообразительный Велем, – тут дело в другом». Эти женщины стали вдовами после того, как разбойные морские дружины пришли на их землю, поубивали всех мужчин, а их жен, оставшихся без защиты, полонили.

– Как у вас дела? – весело расспрашивал его один из торговых гостей, невысокий и лысый, – видимо, это и был Фасти. – Еще не выбрали себе конунга?

– Да зачем нам конунг? – Велем улыбнулся. – Мы и сами как-нибудь. Сестру мою позапрошлой осенью замуж выдали в Дубовик – теперь там у нас родня, от нас поклонитесь, вас и приютят.

– А у тебя много сестер осталось?

– В девках три.

– Значит, хватит еще на три города, – посчитал Фасти. – А когда кончатся сестры, как же мы поедем дальше?

– Вот с этим. – Велем показал на меч у пояса варяга. – Говорят, этим ключом все двери отпираются.

Он хотел спросить, откуда привезли этих странных женщин, но мать позвала его, и пришлось спешить на зов.

– Ко сырой земле, к зелено лужку,
Да ко цветику ко лазореву!

– доносилось до костра.

Забот Домагостевым домочадцам хватало: приехавших надо было разместить, перенести товар, устроить под крышей то, что боится дождя, приготовить на всех еду. На костре возле двора челядины Грач и Ворон опаливали свиную тушу – несло горелой щетиной. Пробежала

Дивляна с лукошком яиц; увидев Яромилу с ведерком молока, Велем взял у сестры ношу и глазами спросил, куда нести.

Тем временем старшие из гостей спешили заручиться покровительством местных богов, как того требовал обычай всех торговых людей. Шагах в ста от устья Ладожки, там, где она сливалась с речкой под названием Ула-йоки – Заклучка по-словенски, – над глубоким омутом располагалась довольно широкая площадка святилища. Здесь, перед большим белым камнем, выступающим из земли, был сложен из камней жертвенник, а по трем сторонам его возвышались деревянные идолы трех богинь: Марены с серпом, Макоши с веретеном и Лады с кольцом. Сюда, богиням-покровительницам Ладоги, все торговые гости приносили жертвы, после того как еще по дороге почтили Велеса в его святилище, что ниже по реке. Зная о прибытии гостей, к белому камню собрались жрицы богинь: три старухи, три женщины и три девушки. Каждая тройка встала перед идолом своей покровительницы: женщины – в середине, старухи и девушки – по бокам. Тут Вестмар, Хольм и Фасти снова увидели знакомые лица: средней в ряду женщин стояла Милорада, а в ряду девушек – Яромила, ее старшая дочь. Еще в прошлом году старух возглавляла бабка Радогнева, мать Милорады, и таким образом женщины из Домагостева рода были представлены среди служительниц всех трех богинь: бабка, мать и внучка.

– О, великие богини – Дева, Мать и... Мать Матерей! – Подойдя во главе своих товарищей, Вестмар почтительно поклонился.

Краем глаза окинув жриц, он отметил, что некоторые из них с прошлого его приезда сменились: не было старухи Радогневой, и две девушки по обе стороны от Яромилы тоже оказались новые. Одна из старух и одна из девушек – чужинки родом, судя по лицам и уборам, изобилующим костяными подвесками. Все понятно: старые жрицы Марены умирают, юные жрицы Лели выходят замуж и передают свои обязанности другим. Только Яромила все еще здесь: Домагость так ценит свою старшую дочь, на которой, как тут верят, лежит особое благословение, что никак не подберет достойного ее жениха.

– Я, Вестмар сын Халльварда, по прозвищу Лис, родом из Свеаланда, снова приехал на вашу землю и привез товары: двадцать шесть молодых пленниц, десять мечей из Рейнланда, сорок бочонков соли, тридцать бочонков вина, – и теперь хочу увезти пленниц на реку Олгогу, а вино, мечи и соль продать здесь, если найду хорошего покупателя. Я прошу вас о покровительстве, чтобы никто не навредил мне на вашей земле и чтобы я смог вести торговлю как можно выгоднее. А вам в благодарность я подношу дары!

Вестмар сделал знак, его люди поднесли ларь. Открыв его, он каждую из девяти жриц оделил подарками: одним досталось по отрезу хорошего сукна, другим – по красивому кувшину из Страны Фризов с узорами из белого олова, остальным – по бусине: кому хрустальная, кому стеклянная, кому сердоликовая, круглая или затейливо ограненная. Бусины эти стоили так дорого, что даже у состоятельной женщины они все были наперечет, и появление новой обсуждалось товарками, как весьма значительное событие. И еще потому ладожские старухи, женщины и девушки лучших исконных родов стремились получить право служить богине, что, кроме почета, это приносило немалую выгоду от таких вот подношений торговых гостей.

В благодарность за дары старшие жрицы поднесли варягам пива в чаше, передавая тем самым благословение своей богини, в омут вылили по кувшину молока, и теперь гости могли со спокойной душой приниматься за дела. А жрицы вернулись к повседневным хлопотам, в том числе Милорада и Яромила, от которых благополучие гостей зависело в самом прямом смысле.

– Вы цветочки ли, мои цветики,
Цветы алые, лазоревые,
Вы голубые, бело-розовые!

– пел Велем, проходя мимо берега. От костра уже несло запахом вареной рыбы. Яромила только что хвасталась ему варяжским подарком: тремя бусинами из медово-желтого сердолика, округлыми, с множеством мелких треугольных граней, такими красивыми, теплыми даже на вид! Дивляна, изнывая от зависти, просила подарить ей хоть одну, упирая на то, что у Яромилы от тяжести ожерелий скоро переломится шея.

– Да вы души ли красны девушки,
Да вы ступайте во зеленый лес гулять,
Да вы поймайте белу рыбу да на воде,

– распевал он, смеясь и вспоминая спор сестер.
– Эй! Бьела риба! – весело окликнул его кто-то.

Велем обернулся. Его звал один из варягов, который вместе с Фасти присматривал за пленницами. В руке он держал старую деревянную ложку – потемневшую, обгрызенную, да еще и треснувшую по всей длине – и при этом смотрел на ложку, висевшую на поясе у Велема, – новенькую, из липового дерева, промасленную льняным маслом, приятного золотистого цвета. Тот сам ее вырезал на днях – руки у него с детства росли как надо – и украсил черенок узором-плетенкой. Варяг улыбнулся и жестом показал, что хотел бы эту ложку получить. Видимо, он был здесь в первый раз и сомневался, что его поймут.

Кивнув, Велем спросил по-варяжски:

– Что дашь?

Он думал, что ему предложат какую-нибудь ерунду: пуговицу или гребешок подешевле, да и то только потому, что обед уже готов, а хлебать нечем. Ладожским девушкам он резал ложечки за поцелуй – а что еще она стоит, ложка-то? Но с варягом он целоваться не станет, как ни проси! Подумав об этом, Велем ухмыльнулся. Варяг похлопал себя по поясу и бокам, отыскивая, что бы предложить в обмен, а Фасти вдруг потянул его за рукав и показал куда-то вправо от костра:

– Вот, если хочешь, ее возьми. Насовсем возьми. Выходишь – будет твоя.

В стороне от костра прямо на земле лежала одна из молодых пленниц. Еще две сидели рядом, сжав пальцы, и шептали что-то, не поднимая глаз, а третья, молоденькая, держала ее за руку, свободной ладошкой утирая слезы. Лежащая была неподвижна и вообще не слишком походила на живую. Велем подошел поближе, пригляделся. Вроде бы еще молодая... во всяком случае, тощая, все кости торчат, а лицо под слоем грязи толком и не разглядеть... Он наклонился пониже и уловил тяжелый запах запекшейся крови.

– Она что, ранена? – Велем повернулся к варягам. Никаких ран или повязок на лежащей видно не было.

– Да нет. – Фасти пожал плечами. – Десять дней назад, когда Вестмар их покупал, она выглядела вполне здоровой. У нее, видно, что-то женское. Это не заразно, не бойся. Но мы ее не доведем, она скоро умрет. Забирай: если сумеешь вылечить, то получишь молодую красивую рабыню за стоимость деревянной ложки. Это очень выгодная сделка, можешь мне поверить! – Варяг заулыбался. – В Бьёрко такая обычно стоит марку серебром, а в Серкланде – марок двадцать пять-тридцать! Клянусь Ньёрдом!

Велем еще раз посмотрел на девушку. Исхудалая, грязная, на вид все равно что мертвая, она и правда стояла едва ли больше этой ложки, да, пожалуй, и того меньше, потому что ложкой еще два года можно пользоваться, а пленница, скорее всего, до вечера не доживет. Но если доживет...

Ладога – не Шелковые страны, молодая рабыня здесь стоит два сорока куниц или две коровы. Но Велем не отличался жадностью, ему просто стало жалко девушку. Ведь помрет и никто о ней не пожалеет. Вручив варягу свою ложку, он поднял пленницу на руки. Она,

казалось, совсем ничего не весила, и, едва он стронул ее с места, в нос ударил тяжелый запах крови. Ладоням сразу стало мокро и липко. Почти весь подол ее рубахи оказался в крови, но на грязно-черном сукне ее почти не было видно.

Одна из товарок, сидевших рядом, пошевелилась, сказала что-то, сделала движение, будто хотела задержать, и не сразу выпустила безвольную руку подруги. Слезы из ее глаз полились сильнее, она закрыла лицо ладонями. Две другие только проводили Велема горестными взглядами.

Когда Дивляна и Яромила, продолжавшие делить бусины, увидели, как к дому подходит братец Велем, неся на руках одну из варяжских пленниц, они от изумления открыли рты. Потом Дивляна метнулась за матерью. Милорада, которую дочери спешно позвали, узнав, в чем дело, совсем не обрадовалась.

– Или у нас забот мало, чтобы умирающих еще подбирать? Ну, зачем ты хворую бабу притащил, когда у нас Никаня? – Она с укором посмотрела на своего единственного сына, не говоря вслух, чтобы не привлечь беды, но подразумевая: очень глупо нести чужую больную женщину в дом, где сидит невестка, которой вот-вот предстоит родить.

– Что парню знать про эти дела? – вступилась за него челядинка Молчана.

– Ну, мне ее подарили. – Велем пожал плечами. – Не в Волхов же теперь бросить!

– И куда ты ее положишь? И так цыпленку присесть в доме негде.

– Ее сперва в баню нужно, – заметила Дивляна, которая, вытянув шею, рассматривала приобретение брата, по-прежнему покоившееся у него на руках. – Она, похоже, с прошлого лета не мылась.

– Ну вот и мой ее, – велела мать. – А мне и без того дел хватает. Потом позовете, я посмотрю.

Велем отнес девушку в баню, а отловленный Дивляной Витошка приволок ей охапку чистой соломы. Растопили печку, нагрели воды. Яромила с Дивляной торопливо обмыли чужеземку, опасаясь, как бы она не умерла у них на руках. Пленница действительно не была ранена, а причиной кровотечения, видимо, стала какая-то женская хвороба. Потом позвали мать.

Пленнице сильно повезло, что она досталась не просто добросердечному парню, а сыну Милорады. Жена Домагостя была первой в Ладогe жрицей Макоши, самой знающей ведуньей. Осмотрев больную, она послала дочерей в клеть за травами и горшками, а сама поманила Велема.

– Она, видно, дите скинула примерно с полсрока или меньше, – сказала Милорада. – Вот и кровит. Оно понятно: возили через три моря, да впроголодь, да всякое такое...

– Выживет?

– Как Макошь даст, как Суденицы нарядут. Она хоть и мелкая собой, а не совсем девчонка, Ярушки нашей, пожалуй, ровесница.

На лавке Милорада разложила льняные мешки с сушеными травами, останавливающими кровь: змеиный корень, мышинный горошек, дубовая кора... Очиток хорош, когда уже много крови потеряно, синий зверобой помогает раны заживлять и силы восстанавливать... А вот спорыш – гусиная травка – самое оно, для того и нужно, если кровь идет изнутри и не уймется никак. От женских хвороб хорошо помогает. И Милорада принялась готовить настой. А пока трава настаивалась, подняла руки над телом лежащей девушки и негромко запела:

– Калиновым мостом
Шли три сестрицы,
Мары дочерицы:
Малина, Калина, Шипина.
Не умели они
Ни шити, ни прясти,

А только умели
Сечи-рубити,
Реки выпускати:
Одна река водяная,
Другая река огненная,
Третья река кровавая.
Водяною огонь заливати,
Кровавою кровь унимати!⁵

Когда женщина рождает, она открывает ворота в Бездну – ту, откуда приходит все живое и куда уходит все мертвое. На это время она сама становится Мареной – той, что переводит через огненную реку. Потому находиться рядом с роженицей опасно, и помогающие ей должны обладать особыми знаниями. А здесь все было еще хуже: Бездна открылась до срока, когда новая жизнь еще не могла войти в мир живых, а значит, через ворота должна была пройти смерть. По мере того как вытекала кровь, в Бездну утекала жизнь. И чтобы это прекратилось, нужно было просить о помощи Темную Мать.

Милорада лучше всех в Ладоге понимала такие вещи. Свою силу она унаследовала от предков по матери – знаменитого рода Любошичей, «старшего рода», как его называли, когда-то давно первым из людей словенского языка пришедшего на эту землю и получившего особое благословение ее богов. По преданиям, начало роду положил некий муж по имени Любош, и он же поставил над Волховом городок, названный Любошин. И было это очень давно – гораздо раньше, чем Словен со своим родом пришел на Ильмерь-озеро и основал Словенск, из которого род словен расселился по берегам Небесного озера Ильмерь. А Любошичи были другого корня – говорили даже, будто пришли они с далекой полуденной реки Дунай. Со словеничами они не всегда ладили, но тем не менее именно Любошичи оставались в низовьях Волхова старшим родом, имеющим первые права на эту землю, все ее угоды и благословение богов. Род был многочисленный и богатый. В иные времена в городке над Любшиным омутом жили больше сотни человек. Любошичи ковали железо, лили бронзу и серебро, изготавливали редкостной красоты уборы и торговали с окрестной чудью. Даже варяги, полтора века назад поселившись на другом берегу Волхова, в устье речки Альдожки, уважали их и старались поддерживать мирные отношения.

Пока не пришел свейский конунг Ерик. И раньше случалось, что кроме мирных поселенцев и торговцев являлись на Волхов боевые корабли грабителей, но по большей части любошичам, живущим за высокой, в семь «больших локтей»⁶, земляной стеной на каменной основе, удавалось отбиться. Но Ерик конунг пришел, чтобы полностью подчинить себе эту землю. Огромное войско осаждало Любшу, пока не захватило ее. Все мужчины и многие женщины погибли, детей и подростков увезли вниз по Волхову и где-то на Волжском пути продали в чужие земли. Оставшихся сделали челядинами, чьей долей было служить новым хозяевам. Варяги отстроили полуразрушенный городок, и в нем поселился воевода Лют. На самом деле его звали Лют ярл сын Кольгрима, но ладожане быстро прозвали его Лютом – ибо лют был и немилостив. Обложив податями все население, словенское и чудское, до которого только могли дотянуться, варяги не довольствовались этим: если подати задерживались, они разоряли селения, а всех пленных продавали на Волжский путь.

И сгинул бы род Любошичей без следа, если бы не волхва Ведомира. Сама она тоже была из Любошичей, но вышла замуж и давно жила на дальней окраине Ладоги. Служительница Марены, она не имела детей, но знала, что Волхов-батюшка не простит людям исчезновения

⁵ Славянский заговорник (извод волхва Велеслава), также и далее почти все обрядовые и заговорные стихи.

⁶ Три – четыре метра. «Большой локоть» – 53 см.

старшего рода. К тому времени от Любошичей осталась в живых только одна девочка десяти лет от роду – Радушка. Но никого из своей челяди Лют-воевода словенцам не отдал бы. И тогда Ведомира придумала хитрость. Через рыбаков она передала для девочки настой особого зелья, и, выпив его, Радушка заболела: у нее начался жар, она лежала без памяти и бредила. Потом в Любшу явилась и сама Ведома. На недуг какой-то девчонки никто из хозяев не обратил бы внимания – и помрет, невелика потеря, – но волхва сказала, что болезнь заразная и опасная, весь городок может вымереть. Тогда ей велели забрать девчонку и даже приплатили слегка. Ведома сама вынесла ничего не осознающую, пышущую жаром девочку к реке, где ее ждали в лодке верные люди.

Выходить Радушку удалось с трудом – пять лет прожившая впроголодь, та оказалась слишком слаба. Но все же она выжила, окрепла и выросла. Лет через пять Ведома выдала ее замуж, снова вернув в Ладугу, – теперь уже не в Любшу, а на другой берег, где в устье Ладожки жили словены. И боги отплатили ладожанам, спасшим от гибели старший род своей земли. Еще через пятнадцать лет от варягов удалось избавиться; Любошин, где они засели, был уничтожен, и словены вернули себе власть над этой землей. До самой смерти бывшая Радушка, а позже – знаменитая Радогнева Любшанка, считалась мудрейшей женщиной, чародейкой и травницей, получившей от Ведомы по наследству древние знания старшего рода. Свою старшую дочь Милораду она выдала за Домагостя, сына Витонег и внука последнего словенского князя Гостивита. Бабка Радогнева умерла в прошлом году, прожив довольно долгую жизнь, но до того успела всему обучить своих трех дочерей.

Возможно, обо всем этом вспоминал Велем, когда нес на руках умирающую чужеземную рабыню. Руками волхвы Ведомы боги когда-то спасли их материнский род, так, может, и ему дан случай угодить богам, избавив от гибели эту чужачку?

Заговором и настоем кровь удалось остановить, но поить ее зельями нужно было по три раза в день. Велем сам взялся выхаживать несчастную пленницу и, усевшись рядом, стал выстрегивать из чурбачка новую ложку. В первые дни он даже спать ложился рядом с ней на овчине, несколько раз за ночь поднимался и смотрел, как она, давал воды, кормил с ложки жидкой кашей. Когда его звали помогать по хозяйству, Велема сменяла какая-нибудь из сестер или челядинок. Яромила и Дивляна жалели девушку: не старше их, она столько перенесла, и если бы не Велем, то уже была бы мертва! А ведь жалко! Когда с нее смыли грязь и она немного ожила, стало видно, какая она красивая. Стройная, с правильными чертами, большими карими глазами, тонкими, изящно изогнутыми черными бровями, она, пожалуй, на рынке в Шелковой стране потянула бы и на две тысячи серебряных шелягов, как говорил Фасти Лысый. Вымытые волосы чужеземки оказались темно-рыжими и густыми, красиво вьющимися. Уже к вечеру она пришла в себя, но ничего не говорила, не отвечала, если к ней обращались, и в глазах ее читалось недоумение. Она явно не понимала, где находится, что с ней случилось, кто и почему о ней теперь заботится.

Глава 2

Через несколько дней подошла Навья Седмица – срок, когда души предков на целых семь дней прилетают к потомкам, когда их чествуют и угощают, прося благословения и помощи на весь наступивший год. В первый день для них топят бани, оставляют там горячую воду, душистые веники с травами, а через маленькие окошки спускают наружу беленые полотенца, вышитые особыми навьими знаками, – дорожки, по которым души сюда войдут. Сами хозяева в это время в баню не ходят и стараются даже к ней не приближаться. А второй день – Родоница, время посещать родовые жальники. И как ни хотелось Вестмару Лису поскорее уехать со своим нежным живым товаром на Волжский путь, где далеко на юге его ждали блестящие груды козарского серебра, в эти дни никто не мог ему помочь – ладожане чествовали предков.

Когда Яромилла с Дивлянкой подошли к реке, Велем с Витошкой уже сидели в лодке. При чем Витошка не шутя устроился на весле, хотя грести через Волхов ему явно было пока не по силам. В свои тринадцать он еще не начал по-настоящему расти: оставался маленьким, шупленьким, доставая Дивлянке только до плеча. Он родился прежде срока, и Домагость в душе беспокоился, что младший сын никогда не догонит старших. То ли дело Велем – рослый, плечистый, он в одиночку вскидывал на плечо бочонки и мешки, которые иным приходилось носить вдвоем.

Лодка ждала под невысоким обрывчиком, где за полосой песка шириной в пару шагов лежало несколько крупных валунов, серовато-розовых, гладко обточенных речной волной, и имелась прогалина в осоке. Рядом с ней стояла в воде другая, в которой устроилось семейство вuia Свеньши, брата Милорады: он сам с женой и детьми – Кологой, Туроберном, Добраном, Лядисой и Ведомкой.

– Что-то долго собираетесь! – Туроберн замахал руками. – Ранятины уплыли уже! Дотемна вас ждать, что ли?

Солнце садилось, бросая на широкую реку яркую пламенную дорожку. Но вечер в самом конце месяца березенья был светел, до темноты оставалось еще далеко.

– Ничего, успеем! – Дивлянка улыбнулась двоюродному брату.

– Веляну не видали? – окликнул их сам вуй Свеньша.

– Матушка за ней пошла, все вместе явятся.

Спустившись к воде, девушки встали на крайний валун и с помощью старшего брата перебрались в лодку. Сложили корзины с приношениями: блинами, вареными яйцами, кашей и пирожками, на которые пошли драгоценные последние остатки прошлогоднего зерна.

– Что матушка-то не идет? – спросил Велем, помогая Дивлянке сесть. – Вуй Ранята со своими уплыл уже.

– А вон и Аскол! – Лядиса из своей лодки показала вдоль по Волхову, где приближались в лодке Ивор и Аскол – сыновья вуйки Велерады.

На Родоницу, вторник недели Вешних Дедов, все потомки бабки Радуши собирались на родовое угорье – жальник возле заброшенной ныне Любши, лежащей в паре верст вниз по Волхову, на другом берегу. Дождаясь родичей, вуй Свеньша, второй сын Радогневны, рассказывал о судьбе бабки своей внучке Ведоме. Ей, получившей имя в честь давно умершей спасительницы рода, зимой исполнилось семь лет и вскоре предстояло идти в Велешу – Велесово святилище, отвечать на вопросы жриц, чтобы получить свой первый родовой поясок. Остальные, хоть прекрасно обо всем этом знали, тоже слушали, глядя на клонящееся к краю небес багровое солнце, и огненная дорожка на воде вызывала в душе образы пламени над Любшей... над Ладогой... над Словенском... Та война, избавившая словен от власти варягов, была долгой и кровопролитной. Не только Любша, но и сама Ладога сгорела дотла. И теперь еще на пусты-

рях между новыми дворами видны следы старых пожарищ, и в особые ночи можно услышать плач непогребенных, ненайденных, неуспокоенных...

– И с древних пор так ведется, что деву из Любошичей сам Волхов-батюшка на служение себе избирает, – рассказывал вуй Свеньша, крепкий толковый мужик, умелый резчик по кости, всегда озабоченный делами многочисленной родни. – На ней благословение земли лежит, потому ее называют Девой Альдогой. Она Волхову служит, как прабабка Ведома служила, и бабка Радуша, и Милорада, ее дочь старшая. А если уж очень худое время, если разгневаешься на людей Волхов-батюшка и три дня подряд назад будет течь – значит, хочет, чтобы Дева Альдога к нему пришла. Сейчас это вон Ярушка, – он кивнул на Яромилу и улыбнулся им с Дивляной, – а как замуж выйдет, к другой сестре перейдет. Да ты-то не бойся, – он ласково погладил светловолосую головку с маленькой косичкой, еще без ленты, с простой тесемочкой, – это служение через дочерей передается, значит, из тех девушек будут выбирать, которые от Милорады, Велерады или Гневорады родились.

На родовой жальник надлежало попасть на закате, когда солнце уходит в Кошное. Ивор и Аскол подвели лодку к тем же камням; по тропе спускались наконец-то появившиеся Милорада с младшей дочерью, одиннадцатилетней Велеськой, ее сестра Велерада со своими дочерьми: тринадцатилетней Оловой и маленькой Синяшкой. От Синиберна, мужа бабки Радогневы, в род впервые попали имена варягов, за несколько поколений изменившиеся и приспособившиеся к словенскому языку, а вуйка Велерада сама вышла замуж за свея, поэтому четверо ее детей тоже получили варяжские имена. И хотя в имени Синяшки – Синелады сейчас уже никто не признал бы старинное северное имя Сигнехильд, его по старой памяти считали варяжским. В Ладоге, за полтора века сжившейся с варягами, таких имен было много. Здороваясь с парнем по имени Сокол, никто уже не думал о том, что его деда тут звали Сокольга, а прапрадеда, первым из рода обосновавшегося на Волхове, – Скъяльг. Сельви превратился в Ольву, Хедин – в Единца, и все же имена предков возрождались в поколениях снова и снова, приобретая удивительное своеобразие в этом месте на грани миров.

Наконец все расселись, мужчины и взрослые парни взялись за весла, и вереницы лодок тронулись через реку. Небо оставалось светлым, но заходящее солнце бросало на воду пламенные отблески, и оттого казалось, что лодки идут не по волнам, а по огню.

– Уж ты ель моя, ель высокая,
Как стоишь ты, вечно зеленая,
От имени Велесова нареченная,
Ронишь хвою свою на Мать Землю Сырую,
Хранишь воду Мертвую да воду Живую,

– запела Милорада, когда лодки вышли ближе к середине реки. И женщины подхватили вслед за ней:

– Как летят по весне из Ирия Светлого
Птички певчие, сладкогласые,
Летят души предков наших
На птичьих крылах на быстрых...

Река – всегда граница миров, граница живого и мертвого, своего и чужого. Дивляна пела вместе со всеми, чувствуя, как мурашки бегут по спине – словно сами призываемые предки уже касаются кожи своими невидимыми крыльями. Из года в год, с тех пор как ей исполнилось семь, она совершала этот путь, и каждый раз ее наполняло чувство, будто они не просто пересекают широкий Волхов, а уезжают из мира живых в то загадочное место на меже, которое

можно посещать и живым, и мертвым. Так оно и есть: жальник принадлежит и той стороне, и этой. И все же с каждым гребком, делаемым могучими руками Велема, с каждым словом песни, которую она пела вслед за матерью, душой все сильнее овладевал священный трепет, чувство близости к иному миру.

– Соберемся мы на Горку на Красную,
Справим по вам, Деда, страву честную,
Запалим мы для вас крады огненные,
Вознесем мы вам, Деда, требы обильные!

Разноголосое пение несло снизу и сверху по течению, словно пела сама река. Этим вечером по всему Волхову наблюдалось оживление: везде виднелись лодки, идущие в основном к Велеше, где располагались многочисленные родовые угорья ладожских обитателей. В лодках сидели мужчины, одетые в по-особому вышитые «поминальные» рубахи, женщины – в «печальных» поневах, темно-синих и без узоров, носимых год после смерти кого-то в семье и потом надеваемых в Дедовы дни. Женщины придерживали корзины и горшки с подношениями, в иных лодках лежали связанные черные барашки. Барашка в жертву вез и вуй Свеньша – в этом году была его очередь.

Высокий мыс возле устья Любши зеленым длинным горбом заметно вдавался в синюю гладь широкой реки. Выбираясь на берег по ту сторону Волхова, все притихли и оглядывались немного боязливо; дети, даже подростки, жались поближе к родителям. Велеська держалась за руку матери, Витошка – за руку Велема. Витошка, кстати, мог бы и не ходить: его предков на Любшанском жальнике не было, но он нарочно увязался за родными, желая еще раз поглядеть на памятное место.

Городок располагался на мысу у впадения в Волхов речки Любши. Со стороны берега протянулся высокий вал из глины, возведенный на основе каменной кладки. Поверх вала раньше шли деревянные срубы – городни с заборолом, но они сгорели, когда дед Витонег во главе словенских дружин выбивал оттуда остатки воинства Люта Кровавого. Сгорели и все внутренние постройки, площадка заросла кустами. Столько горьких воспоминаний было с этим связано, что даже после изгнания руси наследники рода Любошичей не решились снова обосноваться в родовом городище – слишком много мертвых там осталось.

Обойдя гиблое место, потомки бабки Радуши попали наконец на само угорье. Здесь Любошичи в течение нескольких веков хоронили своих умерших. На вершине большого кургана уже виднелись люди: старший из материных братьев, Рановид, со своими сыновьями Раноберном и Синиберном, их женами и маленькими детьми. Мужчины расстелили принесенные овчины, женщины разложили угощение: кашу в широких горшках, вылепленных своими руками, пироги, блины в глиняных мисках, крашенные яйца, пиво в корчагах. Девушки и девочки показывали друг другу яйца, окрашенные и разрисованные к этому дню, соревнуясь, у кого вышло красивее. Самые нарядные яйца получались у Яромилы, самой старшей из Радушиных внучек: покрасив яйца в желтый березовым листом, она разведенной охрой расписала их разными затейливыми узорами, нарисовала даже двух небесных оленей.

Милорада, как старшая женщина в роду, встала на вершине кургана и подняла руки. Все затихли, выстроившись позади нее. И она протяжно закричала:

– Святы-честны Деда!
Щуры да Пращуры рода!
Кличем-зовем вас —
Ходите до нас!

Все родичи хором подхватывали за ней оклички, и над курганами разносилось:

– Ворота Ирийские распахните,
На потомков своих поглядите,
Силу свою даруйте,
С нами, честны, пребудьте!

И все замерли, вслушиваясь в свист ветра над берегом и пытаясь разобрать в нем шорох невидимых крыльев.

Дивляна слушала вместе со всеми, но даже сейчас не могла отвлечься от своих мыслей. Родоница – только один день Навьей Седмицы, второй по счету. А когда придет седьмой, последний день – Красная Горка, тогда пойдет веселье. В этот день впервые в году женихи присматривают невест, с которыми будут вместе справлять обряды в честь Лады и Ярилы, и если не на Купалу, то осенью, после Дожинок, уведут избранницу в свою семью. А Дивляне, второй дочери Домагостя и Милорады, этой осенью будет самый раз идти замуж. Породниться со старейшиной Домагостем, потомком словенских князей, желающих хватало, но Домагость пока выдал замуж только старшую дочь, Доброчесту, рожденную от чудинки Кевы, за парня из городка Дубовик, лежащего выше по Волхову. Для дочерей от Милорады он пока не нашел подходящей пары – прямые наследницы крови старшего рода воплощали власть над этой землей и ценились дороже прочих невест. Даже Яромила, которой было целых восемнадцать лет, все еще ходила с девичьей косой. Но Дивляна, мечтавшая о замужестве лет с восьми, уже не первый год с трепетом встречала каждую весну – а вдруг теперь ее судьба решится?

Она-то знала, чего ждет от судьбы и чего ей хочется. И эти мечты были ей так дороги, что она даже не решалась заговаривать о них ни с матерью, ни тем более с отцом, опасаясь услышать, что все это глупости и никак не может быть. Но почему же глупости? Чем она и... *он* не пара? Если только за осень и зиму *он* не нашел себе жену там, в Плескове... Она, правнучка последнего словенского князя, второй женой быть не может, только старшей... Сердце замирало при мысли, что *он* мог не дожидаться ее, и Дивляна беспокойно теребила кончик косы. Вскоре все выяснится. Если *он* приедет сюда на Купалу, значит... Но до Купалы еще так долго ждать! Весь травень-месяц и почти весь кресень. Казалось бы, за зиму ей следовало поуспокоиться, но чем ближе была весна, тем сильнее возрастало ее нетерпение. От тоски и жажды, чтобы Купала пришла поскорее, щемило сердце и было трудно дышать. Дивляна уже устала от своего ожидания, тем более тяжелого, что ни с кем, даже с сестрой, она не решалась об этом поговорить. Яромила не поймет: она слишком разумна и всегда все делает правильно. Вот разве что Велем... Он добрый. Он над ней не смеется, хотя и не верит, что из этого что-нибудь выйдет. А вдруг он прав? Ведь Велем – умный парень. Наверное, и правда ничего не выйдет, она все придумала, дурочка! И от этой мысли стало так больно в груди, что даже слезы выступили.

На подвижном лице Дивляны ясно отражались ее чувства и мысли, далекие от поклонения дедам, но, к счастью, родичи были заняты другим. Принеся жертвы, они уселись на расстеленные кошмы и овчины, чтобы разделить угощение с умершими предками. В землю на кургане закапывали крашенные яйца, первую ложку каши и первый блин клали в траву, лили пиво, медовуху и квас. С вершины курганов поднимались дымы, в сгущающихся сумерках блестел огонь.

– Велько, пойдем стрелы искать! – Витошка дергал старшего брата за рукав. – Ну, пойдем! Теперь пора!

– Да чего мы найдем там, чудо ты мелкое! – усмехался Велем. – Темно уж!

– Ницьиво не темно! – не отставал Витошка. – Правда, Туряга?

– Ну, не так чтоб темно, а если что, и пощупать можно, – рассудительно отвечал Туро-берн.

В свои семнадцать он, казалось бы, мог не увлекаться такими розысками, но всем видом выражал готовность пойти, если другие пойдут. Витошка почти висел на Велеме и тянул его в сторону погибшего городища. Мальчишки, кто посмелее, иной раз ходили к любшинским валам искать стрелы и до сих пор возвращались с добычей, несмотря на то, что сборы эти продолжались лет двадцать пять.

– Да там повыбрали все, – попыталась унять младшего брата Яромила. – Сколько лет собирают, а стрелы же не грибы – сами не растут.

– А цыто же Свойка Зорин прошлой весной нашел! И я найду! Мне пригодится! Может, еще цыво найду!

– Чего, а не цыво! – привычно поправил Велем. Младший сын чудишки Кевы часто путал звуки «ч» и «ц», которых не различали чудины, говорящие по-словенски. – Когда научишься, чудо ты чудинокое! Жениться скоро пора, а он все – цыво да ницыво, будто дитя малое!

– Поцьом цулоцки, цыловеце?⁷ – поддразнила его Дивляна.

– Да ты сам сперва женись, а потом меня уцы! Учи то есть, – поправился раздосадованный Витошка.

– Ладно, пойдем за стрелками! – Дивляна потрепала младшего брата по белесым вихрам. – Может, и найдем чего. И я с вами пойду.

– А не страшно? – Велем с усмешкой покосился на нее.

– Страшно. – Она взяла его за руку, прижалась к плечу и лукаво улыбнулась. – А все равно хочется. Пойдем, а, Велем?

– Пойдем, что с вами делать? – Велем вздохнул, а Витошка испустил радостный вопль и замахал руками:

– Синюшка, Добраня! Пойдем с нами стрелки искать!

Пока отцы и матери пили пиво, пели песни и принимались уже плясать под рожок, на котором искусно играл Ранята, младшие из двоюродных братьев и сестер наперегонки понеслись к заброшенному городищу. Дивляна бежала впереди всех, и дети с визгом отталкивали друг друга, пытаясь ее догнать. Велем усмехался, видя, как она мчится, подобрав подол рубахи, чтобы не путался в ногах. Тоже, невеста! Шестнадцать лет, замуж пора, а носится, как девчонка. Из всех сестер Дивляна, родная сестра, на пять лет его моложе, была самой любимой. С детства он следил за ней – чтобы не залезла куда не надо, не обварилась, уронив на себя горшок, поднимал ее, когда падала, утешал, когда ревела. Сколько раз он вылавливал ее из Волхова, лепил подорожник на коленки, ободранные при падении с прибрежных круч, иной раз даже искал в лесу. Чтобы было легче следить, Велем везде брал ее с собой. Удивительно, что она выросла такой здоровой и красивой. Среднего роста, Дивляна отличалась подвижностью и ловкостью, в ее сложении и чертах лица были те приятные глазу соразмерность, одушевление, живость и теплота, что лучше любой красоты. Еще бы здравомыслия ей побольше! Велем, единственный из всей родни, знал то, что она забрала себе в голову, и тревожился. Ну кому такое на ум взбредет! В Плесков! В эдакую-то даль! Три пятерицы⁸ в один конец! И люди там все чужие, и случись что, из родни никого рядом нет. В Ладоге, что ли, женихов ей мало?

Может, еще обойдется, думал Велем, глядя, как Дивляна, первой добравшись до валов, ловко взбирается по крутому склону, цепляясь за кусты. Может, тот парень-то плесковский и не думает о ней, там себе девицу нашел, свою, кривичскую. И сам понимал, что едва ли. Таковую не забудешь. Велем знал, что сестра сомневается и томится, но сам почти был уверен,

⁷ Почем чулочки, человеце?

⁸ Пятерица – древняя пятидневная неделя, которых в году насчитывалось 72–73.

что Вольга Судиславич только о ней и думает. Видел же, как тот на нее смотрел тогда, в Словенске...

Когда он не спеша подошел, младшие уже все были на месте и, рассыпавшись по кустам на склоне – в основном по двое-трое, потому что в одиночку страшно, – лазили, шаря в траве, ковырялись в каменной кладке среди белесых известковых плит в поисках неведомых сокровищ. Среди ребятни упорно ходили рассказы о золотом кольце, якобы найденном в ямке на валу, и хотя кольца никто не видел и даже не мог сказать, кто именно его нашел, усердия от этого не убывало.

– Ух-у! – Добран (не Доброня Домагостев, а двоюродный брат, полностью – Добронег, сын вуя Свеньши), пятнадцатилетняя орясина, спрятался за куст, а потом с воём выскочил оттуда на Льдису с Ведомкой.

Те с визгом бросились прочь, Ведомка споткнулась и покатила к подножию вала, так что Велем в самый раз успел ее поднять. Девчонка ударилась в рев, держась за ушибленный локоть, Олова и Льдиса принялись ее успокаивать.

– Стрела это! Говорю тебе, стрела! – убеждал Витошка Аскола, показывая что-то маленькое на перемазанной ладони.

– Да сам ты стрела! Это так, обломок какой-то. Стрелы не такие!

– А будто ты много старых стрел видел!

– Да уж побольше тебя!

– А вон давай у Вельши спросим! Велем! – Оба брата кинулись к нему. – Скажи ты ему, это стрела или не стрела?

Велем взял почерневший, с рыжими потеками железный обломочек, поскреб пальцем острый край, и впрямь похожий на наконечник стрелы, но покачал головой:

– Не, на стрелу не похоже. Ты, Витошка, у Доброни или у Братони спроси, они тебе лучше скажут, что это такое.

– Слышал, дурень! – возликовал Аскол. – Стрела тебе!

– А и спрошу! – огрызнулся Витошка. – Может, это еще полуцьсе стрелы цыто-нибудь!

– Ч-то-нибудь, чудо ты чудинское!

Оглядевшись и нигде не заметив Дивляну, Велем поднялся по валу, продрался через кусты и вошел на бывший двор городища. Здесь было почти пусто: начисто сгоревшие постройки когда-то лежали грудой угля, потом заросли травой и кустарником, и теперь только по небольшим продольным всхолмлениям под мхом можно было догадаться, где и как стояли дома. Дивляна обнаружилась тут: ломая принесенный с собой кусок хлеба, она разбрасывала крошки по земле.

– Ты чего здесь творишь? – окликнул ее Велем.

– Ой! – Дивляна сильно вздрогнула и прижала руку к сердцу. – Напугал, я ведь заикаться начну!

– А чего бродишь тут одна? Тоже клад ищешь?

– Какой клад? Я души подкармливаю.

– На жальнике подкармливают.

– А вдруг и здесь кто-то есть? – Дивляна огляделась. – Ведь такая драка была страшная, если стрелы до сих пор находят. Вуй Ранята, когда моложе Витошки был, тоже находил. Сколько тут этих стрел выпустили, сколько людей загубили, жутко и подумать! А потом погорело все, наверняка не всех мертвых подобрали – некому было и некогда. Так и лежат тут под травой чьи-то косточки обгорелые, чьи-то душеньки маются: ни в Ирий, ни в белый свет назад им ходу нет.

– Так то варяги, они тут жили. От Любошичей одна бабка наша осталась, и та тогда в Ладоге жила.

– А до того? Когда Любошичей перебили, когда в первый раз тут все горело? Да и варяги... Пусть лучше упыри добрые будут и сытые, чем злые да голодные.

– Упыри! Скажешь тоже! – Велем, хоть и был взрослым, сильным мужчиной не робкого десятка, невольно поежился.

Уже почти стемнело, и только на краю неба еще виднелись сине-красные полоски. Ветер утих, и над темным берегом далеко разносилась разудалая свадебная песня, которую пели над курганами подвыпившие женщины:

– У ворот моей матушки
Вырастала травушка,
Лели, Лели, Лели!
Ёли, ёли, ёли!

– подхватывали мужчины и, судя по свисту и топоту, плясали на вершине кургана, где спали их старые матушки, которым надлежало благословить народившихся потомков на скорые свадьбы. Вокруг костра металась буйные тени, и было не разобрать издали: то ли там гуляют живые родичи, то ли призываемые предки, то ли те и другие вперемешку.

– Да и кто траву стоптал,
Да и кто шелковую?
Приходили ходатаи —
Женишки богатые!

Там, на курганах, подвыпившие родичи будто праздновали новую свадьбу всех умерших и возродившихся, а здесь, на городище, все замерло навек, и только кусты бузины, выросшие на пожарищах, исподтишка следили за двумя живыми, зачем-то сюда забредшими.

– Пойдем отсюда. – Велем взял Дивляну за руку. – И правда, дождемся тут упыря какого, чего доброго...

– Пойдем только на Волхов глянем. – Дивляна потянула его в другую сторону. – Посмотрим, куда идет. Вдруг опять – на полудень?

– Темно уже. Назад поплывем – и увидим.

– Нет, я отсюда хочу.

– Зачем тебе, егоза ты неугомонная!

– Как ты не понимаешь, Велем! – Дивляна оглянулась. – А, да где тебе! Ты мужчина. А я хочу посмотреть, откуда наши прабабки смотрели... Ну, Волхова невесты... Ведь и я могла бы... Вот выйдет Ярушка замуж – я вместо нее буду...

Велем пошел за ней без возражений. Вспомнив опять мельком Вольгу, он теперь почти с надеждой подумал: а может, и к лучшему, если она уедет в Плесков? Там не достанут, если вдруг что... «А кого достанут? – мысленно возразил он сам себе. – Ярушку? Велеську? Их, что ли, не жалко?»

Это было еще одно страшное родовое предание. Если сильный ветер шел с моря, особенно весной, под напором льда из Нево-озера Волхов принимался идти вспять. Это всегда воспринималось как знамение тяжелого года, и тогда требовалось приносить жертвы, чтобы задобрить Ящера и заручиться милостью богов. Хорошо, если недоброе знамение было недолгим, но иной раз обратное течение Волхова продолжалось по пять и по семь дней, и громады ледяной воды заливали прибрежные поселения, подмывали берега, уносили избы, губили людей и скотину. Тогда говорили, что Волхов пришел за невестой и нужно отдать ему одну, чтобы не извел всех. И не где-нибудь, а в Любше готовили для него самую достойную из дочерей старшего рода, носительницу благословения, Деву Альдогу. Невесту Волхова наряжали как на

свадьбу, украшали венками и бросали в Любшин омут. Вот уже пять лет Девой Альдогой была Яромила, но выйди она замуж, и ее звание по наследству перейдет к Дивляне. Когда-то их предки выбирали новую Деву Альдогу из нескольких десятков правнучек Любоша Старого – теперь же их, внучек Радогневы Любшанки, было совсем мало.

А вчера Волхов, три пятерицы как освободившийся ото льда, шел назад. Недолго, но все видели, и по Ладоге поползли разговоры, что дурной это знак – в Навью Седмицу, когда души предков впервые за год прилетают к живым. Сегодня северный ветер стих и река текла как положено, но Велем понимал тревогу сестры. У него самого холодело внутри и сердце нехорошо замирало при мысли: а вдруг Волхов и сегодня пойдет назад? И завтра? Ветер унялся, но кто знает волю богов? Кто знает – тот молчит...

Пробравшись через бузину, они вышли к обрыву. Крутизна берега и глубокая вода внизу делали здесь стену излишней, и ничто не мешало смотреть. Правда, воды увидеть было уже почти нельзя: что-то поблескивало в последних отсветах ушедшего солнца, и казалось, что сам Волхов-батюшка в облике огромного змея ползет из Поднебесья – Ильмерь-озера – в Бездну, то есть Нево-озеро. Родовые предания говорили, что когда-то очень давно волны Нево-озера подступали прямо сюда и что Любошин в то время был настоящим городом на краю Бездны, а сам громадный Ящер воздымал здесь из волн блестящую голову, чтобы посмотреть на будущих своих невест...

Встав над обрывом, Дивляна глянула вниз и взяла брата за руку, чтобы было не так страшно.

– Велем! – шепнула она, хотя их и так никто не мог услышать. – А что бы ты стал делать, если бы...

Дивляна не договорила, но он и сам понял, о чем она спрашивает.

– Перун тебе на язык! – буркнул он, потому что отвечать не хотел, да и не знал, что отвечать. – Может, еще посватают тебя... подальше отсюда. Тогда...

– А ты думаешь – посватают? – Дивляна с надеждой взглянула на него.

– Да мне-то почем знать? Я что, вещун тебе? Ой, гляди!

Велем схватил Дивляну за плечо и повернул к обрыву. Подняв глаза от воды, он увидел огонь на дальних курганах – тех, что можно было разглядеть только отсюда. Сегодня на почти всех погребальных насыпях разжигали огни, но этот был слишком большим и бурным. Таким огнем не дедов греют – таким огнем знак подают! Знак о беде, равной обратному ходу Волхова. Весть об обычных торговых гостях подают дымом, но те ходят днем. А если огонь ночью – значит, гости не с мирными намерениями.

Об этом знали все, даже дети. Если в Нево-озере появляются корабли руси, зажигают огонь на дальних курганах. Их видели на Любше и тоже зажигали огонь. А его уже замечали с Дивинца – особой сопки возле Ладоги, могилы древнего конунга Ингвара, первого из варяжских поселенцев, – и огонь было видно уже всему длинному, растянутому поселению.

– Нет, не может быть! – ахнула Дивляна, увидев пламя и мигом поняв, что это должно означать.

– Еще как может! Волхов обратно шел, знак подавал! Бежим скорее!

Увлекая сестру за собой, Велем кинулся прочь от пожарища, созывая по дороге младших братьев и сестер. Те, в темноте забоявшись и отказавшись от поисков, сидели плотной кучкой у подножия вала и ждали их, чтобы вместе идти назад, к старшим.

– А ну, живо все дрова искать! – гаркнул Велем, и те аж подпрыгнули. – Огонь на сопках, никак русь идет!

Не понимая, правда ли это или он так страшно шутит, чтобы их напугать, младшие загомонили, девчонки завизжали. А Велем распорядился:

– Витошка, дуй к отцам, скажи, что на курганах огонь! А всем хворост искать, траву сухую, ветки, кусты! И скажи, чтобы отцы сюда бежали да взяли у кого что есть – кусты рубить.

Девчонки, к берегу – там всякого добра волной выносит, найдете корягу какую, сюда волоките, только чтоб не очень мокрая.

Отрок умчался к курганам, и вскоре все старшие гурьбой повалили к Любошину. Увидев огонь, женщины запричитали, как недавно причитали по умершим. Мужики взяли топоры и ножи, у кого что оказалось под рукой, и кинулись рубить кусты. Первым делом нужно было предупредить Ладогу – и вскоре на той самой площадке у края вала, где сто лет назад такой же костер раскладывали их неведомые пращуры, снова запылало пламя.

Через какое-то время на Дивинце, на другом берегу, тоже вспыхнул огонь.

– Все! – Велем, усталый, закопченный, взмокший, вытер лоб рукавом нарядной «поминальной» рубахи и махнул рукой запыхавшимся родичам. – Бросай корягу, вуй Свеньша. Вон, на Дивинце горит. Отец теперь знает. Пора и нам восвосяси грести.

Глава 3

Когда, переправившись через Волхов, они вернулись домой, Ладога, несмотря на позднее время, была полна огней и голосов. Костер на Дивинце все пылал, оповещая округу о возможной опасности. Домагостя не было дома, но его старший сын, Доброня, вышел навстречу родичам.

– Вы на Любше зажгли? – спросил он. – Ну, мы так и подумали. Отец людей собирает. Снаряжаться всем велел.

Старейшина Домагость, в мирные дни жрец Перуна, в случае войны становился воеводой. В последние годы люди нередко поговаривали, что не худо бы нанимать для охраны варягов, но семьдесят гривен в год, нужные для содержания хоть сколько-то достойной дружины на двух-трех кораблях, Ладога собрать не могла. Торговля теперь была совсем не та, что раньше. О прежних «жирных» временах рассказывали немногие уцелевшие старики, да еще клады серебряных шелягов, которые иногда кто-то где-то случайно находил. При руси, будь она неладна, меха и прочие товары отправляли на Волжский путь, далеко на Восток, а оттуда привозили серебряные шеляги, украшения, дорогие ткани, красивую посуду и прочее. Теперь ездить до козар стало некому – ни у кого не было столько людей и сил, чтобы одолеть тяготы долгого пути и при этом не потерять все, что имеешь.

Перед дверями Дивляна с Яромилой наткнулись на невестку, жену старшего брата Доброни. Она была чужинка, и звали ее Йоникайне, но в семье мужа это имя быстро переименовали в Никаню. Сам Домагость первую жену, Кеву, привез из чужинского поселка на реке Сяси, куда ездил за мехами. Тоже, кстати, на товар выменял, только не на ложку, а на десяток топоров. От нее родились четверо детей: Доброня, Братоня, Витошка и дочь Доброчеста. И уже после рождения двух старших сыновей Домагость взял в дом достойную его рода хозяйку – Милораду. Но и Кева без малого двадцать лет была ему верной подругой и помощницей, пока не умерла, не пережив шесть лет назад поздних родов. Прошлой зимой Доброня, взятый отцом в поездку, приглядел хорошенькую чужинскую девушку, и так она ему запала в сердце, что тут же ее и сосватали. «Внуки совсем чужины будут!» – смеялся Домагость. Теперь Никаня со дня на день ждала начала родов и сидела дома, чтобы кто из чужих не сглазил дитя. Два других старших Домагостева сына тоже не первый год уже как вошли в возраст женихов: в иные времена шестнадцатилетних сразу женили. Но теперь, пока дела были не слишком хорошие, воевода не спешил увеличивать число домочадцев и не побуждал сыновей обзаводиться семьей. Велем, любивший всех девушек, никак не мог выбрать среди них одну, а Братоня, хороший человек, в раннем детстве сильно расшибся и стал горбуном, из-за чего не решался свататься к невестам, достойным его рода.

– Цыто случилось? – заметно коверкая слова, спросила чужинка, переводя тревожный взгляд с одной золовки на другую. – Поцыто все крицьять? Где Доброня?

– Огонь на курганах, как бы не русь! – воскликнула Дивляна, прежде чем Яромила успела дернуть ее за руку. – У нас огонь зажигают, когда с моря чужие корабли идут!

– Руотси? – Никаня прижала руку к груди.

– Ну да, они, проклятые.

– Не бойся, их всего-то один корабль, – заговорила Яромила, обняла ее и повела в дом. – Видно, с пути сбились. А у нас мужиков много, народ не робкий – как пришли, так и уйдут.

– А поцыто все крицьять?

– Да пьяные потому что, Родоница же сегодня, медовухой все налились по самые брови.

Никаня, похоже, поверила, по крайней мере, плакать раздумала. Яромила обладала удивительной способностью утешать, убеждать и успокаивать. Казалось, сама ее красота разливалась вокруг покой и умиротворение.

Перед домом толпились родичи: в основном мужчины и парни; подходили и соседи. В этот день все ладожане пировали на своих жальниках, но теперь поминальные гуляния были прерваны, мужчины собрались на торгу возле устья Ладожки, поспешно вооружившись. На случай возможного набега у каждого из мужчин Ладоги имелось оружие здешнего же изготовления: топор, копьё, иной раз меч, выкованный по образцу варяжских, хотя и не такого хорошего качества. Все были одеты в «поминальные» рубахи с узорами Марены и предков, многие были во хмелю, отчего кричали особенно возбужденно и громко. Уже подоспели почти все старейшины, не было только деда Путени, который, как сообщил его зять Головня, слишком перебрал поминального пива. Но поскольку с дедом это случилось сегодня не в первый раз, Головня, как самый толковый из мужиков рода, привык его заменять. Святобор, Творинег, Честомил были здесь со своими сыновьями; главы родов, родственных Домагостю – варяг Вологор, муж Велерады, и Рановид, старший брат Милорады, – тоже подоспели вовремя. Все говорили и кричали разом, над берегом стоял гул множества голосов, метались факелы. Иногда свет пламени из подходящего к берегу челнока падал на воду, и тогда казалось, будто кто-то выглядывает оттуда, поднимает темную голову со дна, любопытствуя, о чем шум.

Как и полагалось воеводе, Домагость не растерялся и успел снарядить и выслать дозорный отряд под водительством кузнеца Зори, умелого и надежного мужика, к озеру – узнать, велика ли русская дружина и где она сейчас. Женщинам велено было идти по домам – собирать съестные припасы и самые необходимые пожитки на случай, если придется бежать из Ладоги и прятаться в ближних лесах. Некоторые послушались, но многие толпились тут же у мыса, боясь пропустить новости.

– Что случилось? – Сквозь толпу пробился Вестмар Лис, за которым спешили оба племянника и два его товарища – Фасти и Хольм. – Сюда идут викинги?

– Похоже на то, – сурово отозвался Домагость.

– Тогда мы уходим немедленно. Где Свартбард, у которого наши лодки?

– Лодьи возьми, если сговорился, только людей, чтобы через пороги вести, сейчас никто тебе не даст. Не до того нам, не можем мы мужиков на пороги отсылать, когда на нас этот змей из озера идет.

– Как это – не дашь людей? – возмутился Фасти. Он почти не говорил по-словенски, но понимал довольно сносно. – Вы обязаны давать людей для порогов!

– Вы со Святобором о лодьях сговорились – лодьи получите. А мужики на вас работать не пойдут, пока тут их дома жечь будут.

– Они не пойдут, Фасти! – Вестмар положил руку на плечо кипящего товарища. – Где эти викинги, сколько их? Кто их вождь, вам что-нибудь об этом известно?

– Мы могли бы предложить им выкуп за нас, наших людей и товары, – заметил Хольм, рослый худощавый человек с ярко-рыжими волосами и розовым лицом. Фрисландским его прозвали за то, что ему случалось нередко посещать Фрисландию, но родом он был свей. – Лучше отдать им одну седьмую или даже одну пятую наших товаров, но сохранить в целости жизнь и прочее добро. Вестмар, если мы выберем из наших пленниц пять-шесть самых приятных на вид и предложим викингам на выкуп, они наверняка согласятся!

– Зачем им наши пленницы, когда они получают всех здешних женщин? Они пришли сюда за серебром!

– Но у нас нет серебра!

– Тогда они захватят и продадут вас самих! – прервал их спор Домагость. – Вот дурни-то, спасите меня чурь! Вот что! – Он упер руки в бока и повернулся к варягам: – Людей идти за пороги мы вам не дадим. Сами будем сражаться, и если тут все загорится, корабли ваши пропадут тоже. Возвращаться вам с Волги будет некуда, плыть к себе за море не на чем. Мужиков у вас много, народ все крепкий, оружие хорошее, я видел. Так что не болтайте-ка вы попусту,

а беритесь-ка за мечи! Вас почти сотня да нас сотня – глядишь, и отобьемся, еще, даст Перун, добычу возьмем!

– Если вздумаете со змеями этими разговоры разговаривать, я сам ваши корабли подожгу и людей никаких не дам! – Через гудящую толпу к ним пробился Святобор, уже в стегаче и кольчуге, которую ему сработали здесь же, в Творинеговой кузне, в обмен на два сорочка куниц. Рослый, мощный, он сам напоминал не столько Велесова волхва, сколько воеводу. – Русь та далеко, а мы близко! Будут ли они с вами говорить – только Велес ведает, им все равно, чье добро грабить! А выступим вместе – и себя спасем, и добро свое. Ну, согласны?

– Он прав, Фасти! – Вестмар удержал своего возмущенного товарища, который готов был лезть в драку. – Викинги далеко, а они уже здесь. Если они и правда подожгут наши корабли, выкуп нам не поможет. Значит, Один хочет, чтобы мы послужили и ему. Мы согласны, Домагест. Но в битве мы встанем отдельно и так, чтобы прикрывать клетки с нашими товарами. Я не думаю, что морской конунг согласится назначать место и время битвы. Скорее, он просто попытается высадиться и захватить все, что сможет. Высаживаться они будут, надо думать, в устье Альдоги. Там и нужно попытаться их встретить и отбросить.

– Там войско и поставим, – согласился Домагость. – Места хватит.

– Я с моей дружиной встану позади вашего строя. Мы прикроем наши клетки с товарами, а заодно поддержим вас, чтобы викинги не могли разорвать ваш строй.

– Подпирать, что ли, будешь? – хмыкнул Головня. – Так мы и сами на ногах еще стоим.

– Ратники не умеют держать строй. А если викинги разорвут ваши ряды, то вы, можно считать, проиграли. Они всегда так делают – разрывают войско противника и добивают по частям.

– А пока к мысу подходить будут, обстреляем сверху, – предложил Творинег. – Они ж там как на ладони будут. Охотников у нас тут много, луки есть.

– А стрелы поджечь! – азартно воскликнул Честомил.

– А толку? – Вологор покачал головой. – Парус можно бы поджечь, но у мыса они пойдут на веслах, даже если ветер будет. Верно я говорю, Вестмар, не забыл еще, как по морям ходят? Дружина за щитами укрыта, им стрелы нипочем. А если и воткнется какая в борт, так потушат. Зато видно горящую стрелу гораздо лучше, чем простую, стрелок только выдаст сам себя. Так что смысла нет стрелы поджигать. Лучше вот что. Лучше бы, пока мы на берегу с ними биться будем, поджечь корабли.

– Это хорошая мысль! – одобрил Вестмар. – Без кораблей они как без ног, бросятся тушить. Но они оставят людей охранять корабли, к ним просто так не подойдешь. Ведь между нами и кораблями встанет само их войско!

– А если с того берега? – предложил Ранята. – Оставить там людей, а как бой завяжется, пусть плывут на лодках через реку да мечут огонь.

– Где взять столько лишних людей?

– А чудины! – сообразил Домагость. – Канерву позову, брата моей жены покойной. В поле воевать – от них толку мало, да и не станут поди. А приплыть да огнем закидать – справятся.

Ночью почти никто не спал, но до утра ничего не случилось. Зато утром в Ладогу прибыли беженцы из Вал-города – небольшого, но укрепленного поселения в устье Сяси, впадавшей в Нево-озеро дальше к востоку. Название он получил от небольшой речки Вали, притока Сяси, а может, оттого что укреплением ему служили земляные валы. По преданию, именно туда бежали потомки древнего конунга Ингвара, изгнанные из Ладоги первыми нашествиями словенских поселенцев с юга. О нем сложили длинную увлекательную сагу, а наследовал ему тоже варяг, Франмар, муж конунговой дочери Ингебьёрг. Дети Франмара и Ингебьёрг обосновались в Вал-городе и дали начало роду воевод и старейшин, которые подчинили себе округу и самовластно правили ею, как их далекие северные предки своими землями. Последний валгородский воевода Хранимир – так теперь звучало древнее северное имя Франмар, передаваемое

в роду по наследству, – был уже не молод, но пользовался уважением среди словен, варягов и чуди. Со всех поселений вдоль Сяси – и словенских, и чудских – он собирал дань, зато при нем ни один находник в реку не вошел. У него имелась неплохая дружина, набранная частью из словен, частью из нанятых варягов и даже из чуди, и, будучи помоложе, Хранимир не раз выводил свою дружину в море поискать добычи. Все это вместе делало его одним из самых состоятельных, уважаемых и влиятельных старейшин приладожской земли. И весть о его гибели, мигом разлетевшись по Ладоге, настолько потрясла всех, что люди даже не поверили.

– Убили Хранимира, воеводу нашего! – причитали женщины из Вал-города. – Убили, разорили! Ох, отец наш, кормилец, солнце наше красное, поцъто так рано закатилося? Месяц наш светлый, поцъто за облака склонился?

Беженцев было десятков пять, в основном женщины с детьми, успевшие скрыться, и всего десяток мужчин, сумевших вырваться, когда городок был взят.

– Убили! – ахнула Милорада, выбежавшая из дома при очередном известии, и, побледнев, схватилась в ужасе за щеки. – А Даряша как же?

– Она здесь, и дите с ней, – успокоил Велем, уже видевший беженцев. – Идет сейчас.

Кроме старших, Милорады и Велерады, у бабки Радуши имелась еще третья дочь – Гневорада, самая красивая из трех, обладательница золотой косы в руку толщиной и длиной ниже колен – косы, посмотреть на которую стремились даже приехавшие издалека, понаслышке знавшие об этом чуде. Дивляна с детства помнила рассказы матери об этой косе – как после бани обе старшие сестры помогали Гневуше ее расчесывать, и этого занятия им хватало на весь остаток дня. Гневорада вышла замуж очень удачно – за старшего сына одного из знатнейших ладожских старейшин, за громкий голос и неудержимую мощь в сражении прозванного Буревоем. Ее муж, Святобор, сейчас был старейшиной своего весьма многочисленного рода Буревоеичей и волхвом Велеса. Гневорада умерла уже лет десять назад, но старшая ее дочь Святодара два года назад вышла замуж за Хранимира, к тому времени овдовевшего и давно вырастившего старших детей, и даже родила ему сына. О ней-то и беспокоились сестры матери, ее искали тревожным взглядом в толпе измученных беженцев.

К счастью, Святодара оказалась цела и невредима. Один из ее взрослых пасынков, Деллинг, иначе – Деленя Хранимирович, раненный в плечо, теперь возглавлял беженцев и на здоровой руке нес малолетнего сводного братишку. Вуйка Велерада с воплями выбежала навстречу, обняла племянницу, отобрала у Делени ребенка и увлекла всех к себе. Вокруг беженцев, плача и причитая, толпились женщины. Деленю Велем и Братоня увели к Домагостю, где собрались старейшины и прочие мужчины – послушать, что он скажет.

Деленя, парень лет двадцати, третий и последний из взрослых Хранимировых сыновей, единственный из мужчин семьи оставшийся в живых, еле держался на ногах, но старался не показывать ни усталости, ни горя от потери отца, братьев и всего города. По его словам, три дня назад, будто змей из бездны, возле Вал-города появился пришедший из Нево-озера на четырех кораблях какой-то русский конунг. Дружина у него была большая, и решительным натиском он захватил поселение, перебив всех, кто сопротивлялся, а остальных захватил в плен. Сам Хранимир со старшими сыновьями погиб в сражении, не сумев отбиться, – в его распоряжении была только собственная небольшая дружина и ремесленное население Вал-города, собирать ополчение не осталось времени. Он успел лишь подать знак огнем на сопках, предупреждая округу об опасности. Теперь викинги оставались в Вал-городе, но никто не ждал, что на этом они успокоятся.

Примерно то же самое рассказывали женщины в доме у Велерады. Даряша, еще в уборе замужней женщины, хотя теперь она стала вдовой, держалась довольно хорошо и почти спокойно – видимо, горе и потрясение настолько оглушили ее, что она еще толком не осознала перемен в своей судьбе и судьбе маленького сына. Яромила, Дивляна, другие сестры и невестки толпились возле нее, почти такие же ошарашенные вестью о случившемся. Всего два года

назад они провожали ее, когда она выходила замуж за старого воеводу Хранимира, еще орла, несмотря на седые волосы. Святодара, унаследовавшая от матери почти такую же роскошную золотую косу, шла за него охотно, не смущаясь тем, что могла бы быть его дочерью. Они даже завидовали ей: шутка ли, выйти за воеводу и старейшину, повелителя целой волости, собирающего дань со всей реки Сяси – да это все равно что княгиней стать! С тех пор как во время свейской войны почти полностью был истреблен род словенских князей, многие знатные люди – в том числе и Домагость – могли притязать на это место, но прийти к согласию старейшинам десятка волостей было трудно, поэтому словене жили пока без князя. И вот она, Даряша, валгородская княгиня, как ее иногда называли в семье, уже вдова, еле-еле избежавшая смерти или участи рабыни! Она еще так молода, но нет у нее больше ни мужа, ни его рода, ни дома, ни владений.

Страшные предания не такой уж далекой старины оживали, Вал-город разделил судьбу Любши. Ладожане слушали с замиранием сердца, понимая, что выбери находники своей целью Ладогу, та же участь постигла бы и их. Дружину в двести человек они не отбили бы, особенно будучи застигнуты врасплох. В темноте, что ли, русь, не знакомая с этими местами, пропустила устье Волхова и ушла дальше на восток, к Сяси? Или не знала, что собой представляет нынешняя Ладога, и не решилась напасть сразу на нее?

– Да они перепутали! – устало отвечала Даряша. – Думали, что мы Ладога и есть. Мы сами не поняли сперва. Видно, они края наши плохо знают, вот и промахнулись.

Валгородские женщины причитали, оплакивая погибших и полоненных родичей. Велерада с дочерьми сварила им похлебку из рыбы – с припасами весной у всех было плохо, – усадила за стол. Какая-то женщина, продолжая плакать, кормила с ложки ребенка лет пяти.

– Сиротинушка ты моя! – всхлипывала она, прижимая к себе головку малыша, который засыпал у нее на коленях, не проглотив то, что во рту. – Нету у тебя больше ни батьки, ни дедки, ни бабки... И мужика моего зарубили, золовок попленили! И сестер! Взорушка моя, краса ненаглядная! Где же теперь вы, голубушки мои белые, горлинки мои сизые!

– Ну, будет тебе! – унимала ее Милорада, холодея при мысли, что и ее муж и сын могли бы погибнуть под русскими мечами, а дочери попали бы в руки находников. – Может, еще увидишь их. Может, еще разобьют наши русь – и освободят ваших.

Как ни велико было горе осиротевших, усталость оказалась сильнее. Пройдя за два дня пятьдесят верст с малыми детьми на руках и почти впроголодь, те вскоре, разомлев от тепла, еды и относительной безопасности, уже засыпали кто где – на лавках, на полатах, на полу.

Старейшины, собравшиеся у Домагостя, скоро приняли первые решения. Женщин, детей и кое-что из имущества следовало отправить вверх по Волхову, в городки за порогами, куда русь на больших морских кораблях не пройдет, а самим оставаться и готовиться к битве. Можно было бы всем уйти, но ведь не увезешь с собой дома, кузни, мастерские, морские суда! Не увезешь так сразу меха, мед, воск, выменянные у чуди за последний год и приготовленные для ожидаемых летом варяжских торговых гостей, не увезешь кузнечный товар, резную кость, посуду, ткани, купленные прошлым летом у варягов и припасенные для торговли с чудью. А если все это сгорит или достанется находникам, то где и чем будут жить ладожане, даже если и спасутся сами? Торговцы не найдут здесь ни товара, ни пристанища, ни помощи, и Ладога-Альдейгья, прославленный некогда вик на Восточном море, Ворота Серебра, окончательно захиреет и сотрется из памяти людей.

Ладога, полностью открытая со стороны моря, первой оказывалась на пути врага. Несколько следующих волостей были прикрыты волховскими порогами, но в Ладоге русины захватят достаточно речных лодий, чтобы пройти пороги и спуститься хоть до Ильмерь-озера, окруженного целым ожерельем многолюдных и богатых поселений. Поэтому городки выше по реке – Дубовик, Вельсы, Хороборск и особенно густо расположенные возле Ильмерь-озера – Коньшин, Утешин, Осьмянск, Варяжск, Ярилина Гора, Словенск – ради своей собственной

безопасности должны были помочь войском. Если будет время дожидаться этой помощи и если тамошние старейшины не увидят в этом удобный случай избавиться от Ладоги и самим принимать первыми выгодных варяжских гостей.

Тут же решили, что провожать женщин с детьми поедет Воинег, младший Домагостев брат, и он же постарается убедить «верхних» и ильмерских старейшин помочь Ладоге, которая и так собой прикрывает их от находников.

Дивляна и Яромила вместе с младшими домочадцами ждали во дворе, пока мужчины закончат совет. Вот начали расходиться.

– Ну что? – спросили они у Братонега, который вслед за гостями вышел подышать. Невысокий из-за горба, с длинными мощными руками, резкими чертами лица, почти скрывшимися под рыжеватой бородкой, их старший брат всегда имел хмурый вид и действительно напоминал карла из северных преданий, которые живут под землей и славятся как искусные кузнецы. Но на самом деле Братоня был человеком вовсе не угрюмым, а довольно общительным и дружелюбным.

– В Дубовик поедете, к Добрянке, – сказал он, обнимая за плечи разом обеих сестер. – Отсюда подальше, пока мы тут этих выползней за хвосты похватываем и в озеро перекидаем.

– Если они нам и Красную Горку испортят, я им не прощу! – обиженно пробурчала Дивляна.

– Отстоим Красную Горку! – пообещал Братоня. – Она мне самому во как нужна!

– А тебе зачем? – Яромила с любопытством приподняла свои тонко выписанные черные брови и метнула на брата лукавый взгляд.

– А вот догадайтесь!

– Ты что, невесту себе присмотрел? – Дивляна повернулась и с восхищением заглянула ему в лицо. Обе сестры считали, что Братоня совершенно напрасно боится, будто из-за горба его отвергнут невесты, и мечтали, чтобы он тоже завел семью.

– Ну, пока не присмотрел... а вот на Красной Горке на Дивинец залезу да оттуда как следует погляжу – нет ли какой девки хорошей?

– Врешь, братец! – воскликнула Дивляна. – Ты уже присмотрел! Недаром ты всю зиму к нам на павечерницы ходил, это ты говорил только, что с Турягой заодно, чтобы парень не робел! Ты сам себе кого-то высмотрел! Ну, признайся!

– Признайся, родной! – Яромила почти повисла на нем с другой стороны. – Это не Оленица? Или Желанка? Или Огнявка Честенина? Ну?

– Нет, я знаю! – перебила ее Дивляна. – Это Родоумова вдова! Я видела, он все с ней рядом сидел. Это Родоумиха, да, Братоня?

– Девки, отстаньте! – Смеясь, Братоня взял обеих в охапку и приподнял, так что сестры, утратив землю под ногами, принялись визжать. Раскрывать свою тайну ему не хотелось. – Вот срок придет – все узнаете.

– Не орите вы так! – из Доброниной избы выглянула Молчана. – Только-только она заснула, а тут вы. Я уж думала, русь пришла!

Все трое, вспомнив о руси, испуганно умолкли. Не время было говорить о невестах.

– Да-а, – удрученно протянул Братоня. – Вон оно как поворачивается...

Ладога наконец затихла. Смолкли крики на торгу, все затаилось в ожидании рассвета. И рассвет был уже недалек – за Волховом разливалось по небокраю белое сияние подступающего рассвета.

– И не заметили, как ночь прошла! – произнесла Яромила. – Ох, деды наши и прадеды!

– Живин день вчера был, – грустно вздохнула Дивляна. – И не почтили ее с гадами этими...

– Да уж теперь не до плясок, – тоже с грустью согласилась Яромила.

Дивляна вспомнила, о чем думала только вчера, и вздохнула еще раз. Будет ли в этом году Красная Горка и будет ли она сама к тому времени жива – лучше не загадывать.

Глава 4

Едва народ разошелся, Милорада велела дочерям собираться. Медлить было нельзя: длинные русские лоды с красными щитами на мачтах могли показаться в любое время. Уезжать предстояло ее дочерям и Витошке. Сама Милорада оставалась с Никаней, которую перевозить было нельзя. Живот у молодухи опустился уже давно, все вот-вот могло начаться, и челядинка Молчана не отходила от хозяйской снохи. Той предстояло родить первого Домагостева внука, поэтому даже сам хозяин, как ни много дел у него было в последние дни и как ни мало мужчине полагалось вмешиваться в такие чисто женские дела, по два раза на день спрашивал, как чувствует себя невестка и не началось ли. Истомленная долгим ожиданием, Никаня плакала, боялась умереть родами, боялась родить мертвого ребенка, боялась сама не зная чего. Особенно ее тревожило отсутствие мужа – Доброня уехал к Вал-городу с дружиной Зори. Видя, что все женщины в доме собираются бежать, она поняла, что опасность нешуточная, и отвлечь ее не удавалось.

– Ничего, Макошь поможет – вот-вот Доброня вернется, а ты его сынком порадуешь, – приговаривала Милорада, пытаясь напоить Никаню отваром успокаивающих трав. – А будет дочка – и за то спасибо Ладе...

Никаня ее почти не слушала. Она поняла, что на Ладогу напали, и почти видела, как враги врываются в дом, как горит крыша над ее головой, а она не может выбраться и спасти своего нерожденного ребенка, как Доброня возвращается и обнаруживает остывшее пепелище, в котором не найдет обгоревших косточек своей молодой жены...

– Что ты слезами заливаешься, сын плаксой будет! – укоряла ее Милорада. – Все рукава измочила. Рубашку переменить не хочешь?

– Хоць-у! – Никаня всхлипнула и еще раз утерлась рукавом. – И простыню – я и снизу какая-то мокрая...

– Мокрая? – Милорада привстала и откинула с невестки одеяло. – Бабы! Молчанка! Бегом сюда! Воды отходят, дело пошло!

И когда вернувшийся с берега Домагость, разыскивая жену, подошел к двери Добронинной избы, та вдруг распахнулась и ему навстречу из сеней вылетела Молчана. Едва увидев его, челядинка завопила:

– Нельзя! Тебе нельзя, пока в баню отведут! Поди прочь с дороги!

– От как! – Домагость от изумления остановился и заломил шапку. – Что, началось? Вот ведь молодуха – как нарочно подгадала!

Яромила и Дивляна тем временем собирали вещи: теплую одежду, одеяла, овчины и шкуры, котлы и треноги, миски, ложки и кувшины, шатры и всякие припасы. Возможно, и ночевать еще доведется под открытым небом, а весенние ночи довольно холодны. Идти придется вместе со скотиной, а значит – медленно.

– Да-а, тебе хорошо говорить, а у меня там му-уж! – со слезами причитала Хвалинка, их подруга и троюродная сестра, одна из внучек стрья-деда Братомера, тоже дочь чудинок. Прошлой осенью она вышла замуж за Сокола, кузнеца, ушедшего с Зорей к озеру. Перед тем она чуть ли не целый год рыдала на груди то у Яромилы, то у Дивляны, делясь своими переживаниями, надеждами и тревогами, а когда обзавелась наконец женским повоем, стала важничать. Однако сейчас вся важность с нее слетела, и она занялась любимым делом: самой не работать и других отвлекать. Оставшись почти одна в доме, Хвалинка не в силах была выносить тревогу и примчалась излить свое горе. – Ой, матушка! А вдруг цыто случисься? А вдруг я теперь вдовой стану, всего-то с полгода замужем побыв! Ой, горемычная я!

– Чтоб тебе Перун молнию на язык кинул! – в досаде прикрикнула на нее Дивляна. – Еще ничего нет, а она уже мужа похоронила и на сопке причитает, вот дурища ты, подруга!

– Тебе хорошо говори-и-ить, у тебя мужа не-е-ет...

Из сеней вышел Грач, челядинец, и, прихрамывая, направился к конюшне – запрягать лошадь в волокушу. Молчана следом тащила узлы и котомки. Она была словенкой и еще лет двадцать назад попала в плен к руси, а после ее изгнания задержалась при новых хозяевах, ибо не имела ни родни, ни угла, где голову приклонить. Отец Домагостя, Витонег, в последние годы приблизил к себе ее, тогда еще молодую женщину, и за год до его смерти она родила дочь – Тепляну. По старому обычаю после смерти старика и Молчана, и ее дочь получили свободу, но идти им все равно было некуда, и они по-прежнему жили у Домагостя. Его дети знали, что по сути Тепляна приходится им теткой, но относились к ней примерно так, как и относятся дети свободной жены к детям рабы: вроде свои, а вроде и не ровня! Тепляна выросла милостивой и покладистой девушкой, причем особенное сходство ее с Дивляной убедило бы любого, что она той же крови. Такие же фигура и черты лица, рыжеватые волосы... но не было в ней того огонька, который отличал Дивляну, того блеска в глазах, живости в каждом движении. Впрочем, Нежата, дельный парень из Хотонеговой кузни, уже не первый год обхаживал Тепляну на весенних гуляниях и ждал только, пока разживется немного, чтобы обзавестись своим хозяйством и жениться.

Кроме женщин, сопровождать отъезжающих хозяйских детей должны были хромой Грач и старый Тул – в битве от них все равно толку не будет.

Через двор прошел Домагость, уже в стегаче, со своим знаменитым варяжским мечом на плечевой перевязи. Вид у него был как у настоящего воеводы или князя – не зря же он вел свой род от словенских князей. За ним торопился Вестмар Лис и с озабоченным видом что-то говорил. В буром кожаном стегаче, с мечом, держа в руке варяжский шлем с полумаской, он тоже выглядел скорее воеводой, чем купцом. Все торговые гости привыкли охранять свой товар с оружием в руках, и полсотни Вестмаровых людей, хорошо вооруженных и закаленных опасностями, подстерегающими на морях, были совсем не лишними.

Вскоре Вестмар вышел из дома и остановился перед дверями, хмуро глядя на берег.

– Вот поэтому жители вигов обычно заключают договор с кем-то из соседних конунгов, – пояснил он, заметив рядом Велема и будто продолжая ранее начатый разговор. – А он охраняет торговых людей от разных там любителей чужого добра, которые от Праздника Дис до осенних пиров так и рыщут по морям. И еще эти женщины у меня! Некстати я их взял, но уж больно случай выгодный! Лучше бы я мечи вез – их и увезти, и спрятать легче. А этих куда я спрячу?

– Им уже и так не повезло, – согласился Велем. – Это все вдовы? Кто-то поубивал их мужей?

Вестмар сначала его не понял, а потом засмеялся.

– Нет. Это не вдовы. У этих женщин вовсе не было мужей. Свечи разорили какой-то ирландский монастырь.

– Что? Я такого слова не знаю.

– Это... ну... – Вестмар запнулся, поскольку в северном языке такого слова тоже не было. – Похоже на святилище, где постоянно живут люди, мужчины или женщины, которые ничего не делают, только служат богу.

– Они служили богу?

– Да. Крестусу.

Велем посмотрел на пленниц, которые сидели на земле и, сложив руки, что-то негромко бормотали. Так много божьих служительниц в одном месте, да еще обиженных разорением их святилища... Это опасно. И уж не этот ли бог в отместку наслал на Ладогу разбойную дружину руси? Тогда, выходит, Вестмар, соблазнившись выгодной сделкой, сам и привез сюда эту беду.

Велем, нахмурившись, взглянул на варяга.

– Ну, что та, которую мы тебе отдали? – спросил Вестмар. – Умерла?

– Да вон она сидит. – Велем кивнул на свою новую челядинку, которую в доме стали звать Ложечка. Только Никаня, которая вместо «ложка» говорила «лузика», так же называла и ее. Постепенно оправившись, в последние пару дней та уже вставала и часто навещала прежних подруг. – Мать ее вылечила.

Теперь ее легко было узнать среди прочих. Ее прежняя одежда, порванная в нескольких местах, грязная и пропитанная кровью, пришла в полную негодность, и Милорада сожгла ее вместе с хворью. Взамен Тепляна выделила ей свою старую исподку, Милорада дала овчину, в которой Велем проделал дырку для головы, а Велеська снабдила куском тесьмы собственного изготовления, кривоватой и неказистой, но вполне пригодной в качестве пояска. В словенской одежде, с куском полотна на голове, под которым спрятались короткие волосы, с замкнутым, скорбным и немного растерянным выражением лица она и впрямь напоминала теперь молодую вдову.

– Ну, значит, ее бог о ней все же позаботился, – заметил Вестмар, найдя глазами свою бывшую собственность.

– Это мать о ней позаботилась, – пробормотал Велем и подумал, что без трав и заговоров Милорада чужеземка была бы давно мертва. Эта мысль успокоила его: не похоже, чтобы нынешняя участь этих женщин занимала бога. И если ей хватит сил, то пусть уходит со всеми, а не то попадет в руки викингов еще раз.

Один раз семейству Домагостя уже приходилось бежать из Ладogi, спасаясь от набега, и по дороге ночевать в лесу. Дивляне тогда было всего три или четыре года, и она совсем не понимала опасности. С того случая она запомнила только, как рано утром бегала по зеленой траве возле шатра и визжала, оттого что роса обжигала влажным холодом босые ноги, как измазала руки о закопченный бок огромного котла, в котором могла бы тогда поместиться целиком, и как потом Молчана отмывала ее в реке, куда пришлось спускаться по крутому, заросшему кустами склону. Девочка тогда и не задумывалась, отчего это мать и все остальные вздумали пожить немного в лесу, и ее ничуть не огорчало, что в шатре так холодно и жестко спать... И теперь она собиралась скорее с любопытством, чем со страхом. Огорошило ее только то, что Милорада, как оказалось, не собиралась ехать со всеми.

– А Никаню я как брошу? – Мать развела руками. Испокон века свекровь – первая повитуха при молодой невестке, а родная мать Доброни давно умерла. Милорада, заменившая мать растущим пасынком, никак не могла пропустить появление на свет первого внука своего мужа. – Ничего, справимся. Вы с Войнятой не пропадете, а мы, даст Макошь, тоже как-нибудь тут...

Она вздохнула и заправила под повой выбившуюся прядь. Несмотря на то что у нее было уже трое взрослых детей, Милорада оставалась такой красивой и бодрой, что гости на возрасте заглядывались бы и на нее, – если бы не опасались разгневать хозяина.

– Тогда и я останусь! – заявила Дивляна. Она и сама в суматохе сборов не раз думала, как же везти с собой Никаню. Но только теперь, когда выяснилось, что и невестку, и мать придется покинуть, она по-настоящему встревожилась.

– И я! – подхватила Велеська, которая вообще страшилась уезжать из дома без матери и отца.

– А вы поедете! – спокойно и непреклонно заявила хозяйка. – Вам тут делать нечего, только забот мне прибавите. Что, Молчанка, все собрали?

Когда уложили пожитки и пришла пора прощаться, берег Ладожки снова огласился воплями. Отец, родичи по отцу и матери – всего с три десятка мужчин – оставались здесь, чтобы встречать врага, и женщины висели на них, причитая. Дивляна не могла оторваться от Велема, к которому была особенно сильно привязана, и даже Яромила не удержалась от слез, целуя всех братьев подряд.

– Ну, Леля ты наша любшанская! – Ранята, старший сын Рановида, сам утирал глаза кулаком, поглаживая двоюродную сестру по рыжевато-золотистым волосам. – Нам тебя бы от ворога уберечь, на то мы мужики! А будешь ты жива, новые дети народятся, если что! Ты себя береги! А с нами Перун-Громовик и сам Волхов-батюшка: побьем русь, будь она неладна!

– Еще и Вал-город отвоюем! – добавил его брат Синиберн, или Синята, глянув на вдовувоеводшу, которая стояла у волокуши со спящим ребенком на руках. – Наследник у Хранимира есть, вон какой витязь знатный, Даряшка едва держит! Подрастет, тоже валгородским воеводой будет.

Дивляна отвела глаза. Со вчерашнего дня бабка Вельямара, старшая Маренина волхва, обрезала Даряше косы, как полагается вдове, и простой платок плотно облегал голову. Прежняя жизнь ее кончилась, и теперь новая любовь и новое счастье, если дадут Лада и Макошь, откроются для нее не прежде, чем волосы снова отрастут и жизненная сила обновится. Сегодня Даряша выглядела ослабевшей и погасшей по сравнению со вчерашним днем: видимо, здесь, среди родни, она окончательно осознала, что осталась без мужа, без дома и хозяйства. Она ходила, словно глубоко задумавшись, по лицу то и дело скатывались слезы, она то погружалась в свои мысли, то вдруг вздрагивала и оглядывалась, точно искала того, кто навсегда исчез за воротами Валгаллы – небесного покоя для славных воинов, о котором муж ей рассказывал. Глядя на нее, и младшие сестры принимались плакать: каждая из них мечтала о замужестве, и жутко было видеть, что эта желанная новая жизнь так внезапно и страшно может закончиться.

Прочие старейшины тоже отсылали своих: кто уже уехал, кто еще только собирался. Оставались мужчины и парни, достаточно взрослые, чтобы держать оружие. Тронулись целым обозом: к дубовицкой родне отправили домочадцев все трое сыновей старого Витонегга, а заодно и родичи Милорады. Два стрья, Хотонег и Воинег Витонегжичи, имели по трое-пятеро детей – и еще совсем юных, и уже обзаведшихся своими семьями; вместе с потомством и домочадцами вуев Рановида, Свеньши и вуйки Велерады набралось голов с три десятка. Маленькие дети плакали, постарше – гомонили, носились взад-вперед вдоль дороги, гоняясь друг за другом. Этим все было нипочем, они даже радовались приключению. Женщины то жаловались и причитали, то вдруг принимались утешать одна другую, чтобы не накликать беды.

Из Ладоги ехали медленно: на юг тянулись пешком, верхом и с волокушами беженцы из ближайших селений, гнали с собой еле-еле бредущий скот, а навстречу торопились мужики, спешно созываемые с ближайшей округи – кто с топором, кто с копьем, некоторые с луками. Лица у всех были суровые. Хвалинка, вытирающая слезы и шмыгающая носом, наконец замолчала и брела рядом с волокушей, на которой сидела ее хворая старая свекровь. Дивляна шла рядом с Веснавкой, внучкой стрья-деда Братомера и своей лучшей подругой; девушки часто оглядывались, ловя ухом звуки позади, и все казалось, что тишину вот-вот могут разорвать крики, вопли, рев боевых рогов, звон оружия...

Двигаясь вниз по течению Волхова, за первый день одолели едва половину обычного перехода и не сумели даже миновать пороги: женщины, старухи, дети ползли еле-еле, то и дело останавливаясь отдыхать. До порогов, возле которых стоял Дубовик, добраться засветло не успели, приходилось ночевать под открытым небом. В сумерках остановились, выбрали широкую поляну между Волховом и лесом. Подростки принялись рубить опорные шесты для шатров, лапник на подстилки, дрова, причем Вздора и Велерада махали топорами так, что племянники не могли за ними угнаться. Поставили шатры, из тех, что Домагость использовал во время торговых поездок. Челядинки, взяв ведра, полезли, охая, с высокого берега вниз за водой. Вскоре запылал костер, и все свободные от насущных забот ладожане жались к нему: холод весенней ночи пробирал до костей, несмотря на теплые овчинные кожухи. В котле сварили кашу, в которую бросили немного копченого мяса, и старшая Хотонеггова невестка, Прилепа, морщась от дыма, черпаком на длинной ручке разложила варево по мискам.

– Лучше у костра ложитесь, замерзнете в шатрах! – уговаривал женщин Войнята.

– Я буду у костра! – тут же согласился Витошка.

– И я! – вслед за ним закричала Велеська.

Дивляна и Яромила все-таки легли в шатре: какая-никакая, а крыша. Хвалинка устроилась между ними, на самом теплом месте, и все причитала шепотом: а ну как в это самое время ее муж, может быть, сражается с русью и его убива-а-а-ю-у-ут! Дивляна тоже долго не спала, ворочалась на жесткой кошме, пытаясь найти положение, чтобы ничего не давило в бок. В сумерках шатер поставили так неудачно, что ноги у них оказались выше головы: заснуть не получалось, пока Дивляна наконец не переверошила на ощупь пожитки, сделав изголовье повыше. На душе у нее тоже было смутно. Что там сейчас, в Ладоге? Как отец с дружиной, как мать и Никаня?

– Небось уже родился кто-то, – шепнула Яромила, и Дивляна отметила про себя, что они с сестрой опять думают об одном и том же. – Хоть знать бы, мальчик или девочка.

– А если девочка, то как назовут, как ты думаешь?

– Радогневой назовут, что тут думать? Это же будет первая девочка, что у нас в доме родится, с тех пор как бабка померла.

– А если мальчик?

– Может, Добромер... Или Благолюб, если считать, кто последним помер. Не знаю, там как отец решит.

Перебирая имена дедов и прадедов, которых только что поминали на Родонице, Дивляна задремала, но по-настоящему поспать не удалось. От ночного холода лицо леденело, и приходилось натягивать на голову кожух. Едва увидев, что за пологом шатра забрезжило, и услышав, как кто-то возле костра стучит топором по дереву, Дивляна тут же завозилась, выбираясь из-под одеял и овчин: казалось, что на свету теплее!

Умываться ледяной водой никто не захотел, быстро сварили кашу и снова тронулись в путь. Но проехали немного, потому что Гладыш, парнишка из Хотонеговой челяди, приложив ладонь ко лбу и взглядевшись вперед, вдруг воскликнул, обернувшись к Войнтяте:

– Вроде едет кто-то!

– Кто? – Войнтята подошел ближе. – Я не вижу.

– Да вон, по реке навстречу.

– По реке?

– Лодьи, четыре вижу... пять...

– Что там? – К ним приблизилась Дивляна. – Ой, я вижу лодьи! Кто же это?

– А это Творинеговы до Дубовика раньше нас добрались, и дед Хотимыч воев уже собрал!

– Уж больно быстро они снарядились! – не поверил стрый Войнтята.

– Да и маловато больно, – подхватила Вздора, прикрывая рукой глаза от солнца. – Да парни, вишь, все молодые, будто не воевать, а жениться едут!

Она была права: в двух лодьях сидели с два десятка молодых парней, но никакого товара, кроме обычных припасов и большого котла, с ними не было. Для ополчения одних даже Вельсов их было маловато: Вельсы обслуживали пороги, помогая торговым гостям переправлять товары и лодьи, и в иное лето зарабатывали достаточно, поэтому в городке жило немало людей.

– Спросить, что ли? – предложил Селяня, пятнадцатилетний Хотонегов сын. Для будущей битвы отец оставил с собой двоих старших, а Селяню, посчитав слишком молодым, отослал с женщинами. Надо сказать, что парень не страдал из-за этого и не дулся, что-де его держат за маленького, а усердно старался заботиться о женщинах и приносить пользу, чем доказал, что и в самом деле уже взрослый. – Э, стрыюшко, а ведь я вон того парня уже видел!

И он показал на кого-то в передней лодье. Спуститься здесь к воде было бы нелегко, но поверх ивовых и ольховых зарослей на склоне людей в лодьях было видно довольно хорошо.

Рядом ахнула Дивляна, а одновременно с ней и Яромила воскликнула:

– Да и я его знаю! Это же Вольга, плесковский княжич!

Все разом загомонили, замахали руками плывущим; те махали в ответ, поднимая головы.

– Ты ли это, Волегость Судиславич? – крикнул Войнята, прищурившись.

– Это я, Волегость, сын Судислава плесковского! – подтвердил снизу знакомый голос. –

А здесь кто?

– Тут я, Воинег Витонегов сын, из Ладogi. Здоров будь, Волегость Судиславич! Куда направляешься? Или уже прослышал о нашей беде?

– О какой беде?

Лодьи подошли к берегу и остановились; гребцы придерживались за ветки низко растущих кустов.

– Русь идет из Невы-озера! Не то пять, не то четыре корабля, говорят. Вал-город разграбили-разорили, воеводу Хранимира убили самого! Прямо в самую Родоницу. Домагость войско собирает, а баб с ребятишками и челядью в Дубовик к родне нашей послал.

– И... Домагостевы домочадцы с тобой?

– Здесь они – дочери его да сын меньшей. У меня все цело, сколько мне дали, столько и веду. Да еще всякое бабье прицепилось, вот и бредем помаленьку.

Взгляд Вольги скользнул по фигурам, стоящим на вершине обрыва среди кустов. Белые рубашки, серые некрашенные свитки, женские сороки, белесые головки ребятни... И – две головы с девичьими косами, рыжие, золотистые, два милостивых лица, одно из которых жило в его мыслях и мечтах, сияя, будто солнце.

Прижав руку к бьющемуся сердцу, Дивляна стояла молча, не в силах заговорить, хотя сказать ей хотелось так много! С Вольгой, единственным сыном плесковского князя Судислава, она впервые встретилась прошлой осенью, в Словенске, на свадьбе, где словенский старейшина Вышеслав женил своего сына Прибыслава. С тех пор Вольга уже полгода как заполнял собой мысли, сердце и воображение Дивляны. Род Домагостя состоял с Вышеславом в отдаленном родстве, а Вольга приехал в качестве брата невесты – княжны Любозваны. За несколько дней свадебных гуляний Вольга и Дивляна, пожалуй, и пары слов не сказали друг другу, – но везде и всюду она искала его глазами и почти всегда встречала ответный взгляд. Особенно волновало ее одно воспоминание: как-то Вольга в разговоре с ее братом Горденей шутливо жаловался, что в Плескове нет хороших невест, придется на Волхов ехать. Горденя отвечал, что-де невест у нас много уродилось, знай выбирай; а Вольга тогда обещал, что, как придет срок ему жениться, непременно приедет в Ладogu за невестой. И со значением смотрел при этом на нее, Дивляну. Или ей только казалось?

Но с тех пор как она вернулась с Прибыславовой свадьбы домой, в ней что-то изменилось. Девочки начинают мечтать о собственной свадьбе едва ли не с той поры, как уразумеют, что это такое. Мечтают с семилетнего возраста, когда начинают обучаться рукоделию, чтобы шить будущее приданое; мечтают в долгие зимние вечера, когда вместе с подружками занимаются прядением, ткачеством, шитьем, вязанием, вышиванием и под протяжные заклинательные песни вплетают в ткань охранительную и жизнетворную ворожбу на счастье всей будущей жизни подобно тому, как это делает сама Мать Макошь, спрядающая людские судьбы. И Дивляна, как всякая девица, за прялкой и ткацким станом думала о женихе, но раньше его образ рисовался ей очень расплывчато: просто некто в праздничной рубахе, как необходимая часть свадебных обрядов, – ведь без жениха-то ничего не выйдет. Все изменилось с тех пор, как она повстречала Вольгу. Среднего роста, сильный и крепкий, загорелый, с темно-русыми волосами и густыми черными бровями, из-под которых серо-голубые глаза сияли яркими звездами, веселый, разговорчивый, удалой, отважный, всегда готовый и спеть, и сплясать, и побороться, он был вожаком плесковских парней не просто потому, что княжий сын, а потому, что и вправду не было ему соперников. Все, за что брался Вольга, он делал от всей души: если дрался, то до полного торжества над соперником, если плясал, то до изнеможения, если пил на пиру – то до того, что не уйти своими ногами. Стоило ей теперь подумать о женихе, как именно он, словно

наяву, вставал у нее перед глазами. Она видела его взгляд, его улыбку, задорную и многозначительную. Это и был настоящий жених, а остальные так, не женихи, а банные затычки! Даже странным казалось, что девки влюбляются в каких-то других: на всем свете один Вольга в ее глазах стоил любви. Как о самом большом несбыточном счастье Дивляна мечтала о том, чтобы он и правда приехал в Ладогу на Купалу, когда выбирают невест. Увидеть его раньше она и не мечтала – не ближний край от Плескова до Ладоги ехать. И вдруг... Уж не сон ли это?

Но и Вольга, стоя в лодье под берегом, смотрел на нее так, будто считал все это сном. Едва понимая, что делает, Дивляна вдруг соскользнула с обрыва и стала ловко спускаться меж кустов, придерживаясь за ветки. В здравом уме даже она, известная егоза и непоседа, никогда не полезла бы по такой крутизне, да еще и над водой, – но голубые Вольгины глаза, его восторженный и зовущий взгляд заставили ее забыть обо всем на свете. Ей хотелось одного: подойти, убедиться, что эта встреча наяву и что он помнит ее.

Видя, что девушка почти катится с обрыва им на головы, Вольга выскочил из лодьи, встал на мелководье и поймал Дивляну, не дав ей слететь в воду. Опираясь на его плечи, она задержалась на крутом спуске, но даже не заметила, что едва не окунулась в холодный весенний Волхов. Руки его были горячими, от широкой груди веяло теплом, и Дивляне было разом и стыдно немного, и весело.

– Ты ли это, Дивомила Домагостевна? – тихо, с недоверием и радостью проговорил Вольга, и даже его «окающий» кривичский говор казался ей полным особого очарования, а от звука его голоса в груди прошла теплая волна.

– Я, – тихо подтвердила Дивляна и про себя пожалела, что поленилась утром перечесть косу и теперь мелкие прядки липли к щекам, – стоит теперь перед Вольгой нечесаная, как кикимора...

– Ну, что у вас там за дела? – спросил Вольга, но в голосе его слышался какой-то другой вопрос, обращенный только к ней одной.

– У нас... русь на нас идет, чуть не пять сотен человек, Вал-город разорили, у нас беженцы оттуда... – ответила Дивляна, но, глядя на ее лицо и слыша голос, никто не догадался бы, что она сообщает такие тревожные и неприятные вести. – Отец войско собирает... На Ильмерь гонцов послал. А вы-то откуда взялись?

– А я... а мы за невестами едем. – Вольга оглянулся на своих спутников и широко, белозубо улыбнулся. – Видали мы осенью, до чего ладожские невесты хороши, тогда обещали, что приедем, – вот и едем.

– Так за невестами на Купалу ездят. – Дивляна лукаво улыбнулась в ответ, и сердце заходило от счастья, так что дыхание перехватило. По глазам Вольги было ясно, что он-то ехал за одной-единственной невестой – за ней, Дивляной. Все-таки не глупостями, как уверял братец Велем, оказались ее мечты и надежды, и все теперь вокруг казалось ей одето ярким светом, будто для нее одной вставало над миром какое-то особое солнце. – Не рановато ли снарядились?

– Так ведь Красная Горка вот-вот. Мог ли я до Купалы ждать – а вдруг еще на Ярилу Сильного лучшую-то невесту уведет кто? Нет, я бы теперь всем парням сказал: моя эта, а кому не по нраву – выходи! – Вольга резко мотнул головой, приглашая на бой возможных соперников, и Дивляна счастливо засмеялась. – А ты мне прямо по дороге встретишься... – тихо добавил он. – До сих пор не верю, что наяву...

– Нас отец в Дубовик отослал от беды подальше, а если дед Хотимыч надумает на Ильмерь ехать, то велел с ним.

– И правильно, – согласился Вольга. – Коли русь идет, нечего вам там делать. Эх, знать бы, взял бы с собой людей побольше. А то самых близких только товарищей собрал, дружину мою молодую, неженатую, с кем мы зимой лисиц-куниц били... Ну, даст Перун, и так русь разобьем.

– Ты будешь с русью биться?

– А то как же?

Вольга обернулся к своим людям:

– Что, ребята, побьем русь?

– Побьем! Еще как побьем! – дружно закричали они в ответ.

С этими парнями Вольга каждую зиму уходил жить в лес, на заимку, и там парни кормились охотой – чтобы не обременять домочадцев в голодное зимнее время – и добывали меха, которые весной продавали варяжским гостям. Понятное дело, что долгими зимними вечерами на заимке, в душной дымной избе, слушая вой пурги за крошечным окошком, Вольга не мог найти лучшего занятия, чем вспоминать сытую осень, веселую сестрину свадьбу, а заодно мечтать о том, как, может быть, наступившим летом он раздобудет себе жену. Ту, с пышными рыжими волосами, серыми глазами, задорную, яркую, как искорка, знатного рода, настоящую пару для него, будущего плесковского князя! И понятно, что у восемнадцатилетнего парня, едва закончилась зима, не достало терпения дожидаться Купалы.

– Вольга, отвези меня назад в Ладугу! – вдруг взмолилась девушка.

Случилось то, о чем Дивляна мечтала долгими вечерами осенью и зимой, пока сидела на длинной лавке среди прочих девиц и прядла кудель под тягучие песни и разговоры – она снова встретила Вольгу! И не было сил так скоро вновь с ним расстаться! Отпустить его туда, куда вот-вот придет русь! Туда, где оставались отец, мать и братья.

– Я воротиться хочу! – заявила она и почувствовала, как на душе разом полегчало. Все-таки она с самого начала не хотела ехать. – Отвези меня назад!

– Не боишься? – Вольга улыбнулся.

– Не боюсь! – Дивляна глянула ему в глаза. Сейчас ей ничего не было страшно. – Никто не боится, а я хуже всех? Да и что будет? Неужели отец с какими-то вшивыми свеями не справится? И ты ведь с ним будешь! А там и матушка наша с Никаней. Она же... – Дивляна прикусила язык, поскольку о родах, во избежание сглаза, говорить не следовало, особенно чужим людям. – В общем, в дорогу ей нельзя. И мать с ней осталась. А нас выставили. А я не хочу на Ильмерь, я с вами быть хочу.

– Ну, поехали! – решил Вольга и снова улыбнулся. – Твоя правда: что нам какие-то свеи! Видали мы их... на краде дубовой, под камнем горячим!

Дивляна радостно взвизгнула, подпрыгнула, даже хотела поцеловать его в щеку, но не посмела. Вольга подхватил ее и пересадил в лодью, запрыгнул сам, и его товарищи взяли за весла.

– Эй, куда повез? – Войнята с берега замахал руками. – А вот я брату скажу – плесковские девку украли!

– Я сам скажу! – успокоил его Вольга и прощально помахал рукой. – Я воеводу-то Домагостя раньше тебя, отец, увижу!

Смеясь, Дивляна пробралась между гребцами и поклажей и устроилась на бочонке. Вольга сел рядом на мешок. Дивляна, веселая, взбудораженная и немного смущенная, оправляла на себе кожух и плащ, засовывала под платок выбившиеся из косы пряди и жалела, что не расчесалась. Но Вольге это было все равно, она и так ему нравилась. По веселому блеску его голубых глаз Дивляна поняла, что он рад ее видеть, что он взял ее с собой именно потому, что хочет быть с ней рядом, и это еще больше радовало и смущало девушку. Она хотела о чем-нибудь поговорить с Вольгой, но не находила слов, однако и так было хорошо. У них еще будет время поговорить, теперь у них все будет – почему-то верилось, что в самом ближайшем будущем ее ждет что-то очень большое и хорошее. Дивляна любовалась проплывающими мимо берегами, одетыми первой весенней зеленью, и думала о том, как необычайно хороши березки в нежной дымке, ольха и ивы над водой; словно впервые она заметила, как буйно свежие стрелки молодой травы лезут сквозь жухлый серый покров прошлогодней, и душу вдруг

заполнило радостное осознание: пришла весна! Она пришла, богиня Леля, принесла весну, свет, тепло и... любовь! Это будет ее, Дивляны, настоящая весна, когда она расцветет, будто сама Леля, и наконец найдет свое счастье – навсегда! При каждом взгляде на Вольгу ее пробирала теплая дрожь. Парень казался ей очень красивым – смуглый от густого загара, не выцветшего за зиму, с темно-русыми буйными волосами, чернобровый, с белыми зубами, он весь излучал молодецкую удаль, бесшабашность и задор. Мелькнул на берегу молодой крепкий дуб, не частый житель северных лесов, еще не одевшийся новой листвой, и он снова напомнил ей Вольгу – такого же крепкого, полного свежих сил.

– Ну, еще какие у вас новости? – расспрашивал он по пути.

– Варяги к нам уже приехали – Вестмар Лис, не знаешь его? Рыжий такой, ну, то есть сам не рыжий, а кожих безрукавный носит лисий.

– Вроде видел, заходил как-то в наше озеро такой. А чем торгует?

– Мечи привез, это не я, а отец с братьями видели. Полонянок привез, да много, десятка три!

– Красивые?

– Да куда там! – Дивляна махнула рукой. – Тощие, грязные, волосы у всех обрезаны, Велем поначалу думал – все вдовы.

– А что оказалось?

– Да ради богов своих стригутся, что ли, я не поняла. Велем, ты знаешь, уже одну себе раздобыл!

– Невесту?

– Да нет, какая она ему невеста! Робу одну, из тех полонянок. Вестмар ему ее сам отдал, не поверишь – на ложку липовую обменял! Она помирала почти, мы ее еле вывели.

– Жаль, не к нам такой добрый человек зашел! – смеялся Вольга. – У нас, правда, тоже есть гость варяжский, да не торговый, а слышь, тамошний князь! Товара совсем мало привез, искал кого-то. Да кого искать, если на это лето он сам у нас первый! Чудной такой!

По пути стрый Войнята передавал приказ снаряжать ополчение всем поселениям, через которые проезжал, и все, кто за вечер и ночь собрался, присоединялись к плесковскому полку. Имея всего два десятка своей дружины, Вольга теперь уже вел за собой почти сотню вооруженных воинов. Каждый род имел своего старейшину, но даже бородатые отцы советовались с Вольгой и были довольны, что он среди них: молодой парень старинного княжеского рода воплощал самого Ярилу, бога юных воинов – белых волков, сейчас, весной, вступающего в пору наибольшей силы. И Дивляна охотно подтвердила бы, что сам Ярила не мог быть более красив и удал, чем Волегость Судиславич!

Дивляна смотрела на воинство и подавляла улыбку, замечая где-нибудь серьезное, почти мальчишеское лицо иного ратника, у которого слишком большой отцовский шлем, тоже оставшийся со времен варяжской войны, за неимением подшлемника был надет прямо на заячью шапку.

Что делается в Ладоге, тут пока никто не знал. То ли еще не дошла русь, то ли вести переносить уже некому... Но Ладога, когда до нее добрались, оказалась цела и невредима. Встречные рассказывали, что битвы еще не было, дружина стоит под копьём, русь не появлялась, но вот-вот будет. Возле мыса Вольга пошел здороваться с Домагостем, а Дивляна отправилась домой.

Глава 5

Ладога заметно опустела – эта пустота тревожила, и Дивляна невольно ускоряла шаг, почти бежала, торопясь увидеть своих. Сперва она заглянула в просторный отцовский дом, но там толпились чужие люди, ратники из окрестных сел: одни грелись у печи и отдыхали, в то время как другие несли дозор на мысу. Все двадцать Вестмаровых рабынь были пристроены варить каши и похлебки, среди них мелькала и Ложечка. Свою мать Дивляна нашла возле Никани, в избе, которую Домагость поставил Доброне после женитьбы.

– Ну, кто родился? – первым делом выкрикнула запыхавшаяся Дивляна, увидев на руках у Молчаны запеленутый сверток.

– А ты откуда? – Милорада в изумлении подняла брови, потом встала. – Что с вами? Встретили кого? Живы? Остальные где?

– Ничего не случилось. Остальные поехали. Я одна вернулась, – торопливо пояснила Дивляна. – Вольгу встретила... с дружиной. У него своих два десятка, и еще сотню по дороге подобрали... привели. Вольга плесковский, князя Судислава сын... Помнишь его? Пошли к мысу... Отец там? Ну, кто родился-то?

– Мальчик у нас, внучок. – Милорада улыбнулась, но тут же снова нахмурилась. – Вольгу плесковского встретила, говоришь? Я-то помню, да вот не пойму, зачем тебе-то назад ехать, если и встретила? Дорогу, что ли, показывать? А то он сам на Волхове заблудится?

– Я... Не хочу я никуда ехать, когда ты здесь. – Дивляна наконец перевела дух и опустила глаза, потому что оправдаться на самом деле было нечем. Под строгим взглядом матери она опомнилась, устыдившись своего сумасбродства и своеволия.

– Хочу-не хочу! На рабском рынке в Бьёрко будешь рассказывать, чего хочешь, чего не хочешь! – возмутилась Милорада. – Ты совсем дурочка у меня, что ли? Драть тебя некому!

– Тебе здесь можно, а мне нельзя, да? А как назвать, Доброня не решил еще? Отец что говорит?

– Да я же из-за Никани осталась! Кабы не она, убежала бы быстрее вас, дураков! – Мать с досадой кивнула на невестку, потом опомнилась и со спокойным лицом продолжала: – А, ладно, где наша не пропадала! Ничего с нами не случится, боги милостивы, это я так, на всякий случай... Дружина у нас хорошая, вон еще полторы сотни пришли, да мы этих чуд-юд заморских в Волхове перетопим!

Дивляна знала, что это все говорится для спокойствия Никани, но облегченно вздохнула. Быстро обернувшись, мать сделала ей страшные глаза, и Дивляна тоже улыбнулась.

– Вольга же меня привез, – сказала она. – Значит, тоже знает, что здесь не опасно. Иначе разве бы он меня повез сюда? Что он, дурной совсем?

– Вольга! – проворчала мать. – Рано Вольга тобой распоряжаться стал, отец еще вздует его за такие дела!

– Да чего он сделал!

– А кабы сделал чего, тогда еще не тот разговор был бы!

Но Дивляна знала, что мать ворчит и ругается не всерьез. Еще на той свадьбе в Словенске все соглашались, что Вольга – молодец хоть куда, жених на зависть, да и зять не самый плохой – ведь плесковским князем будет! У его отца других наследников нет, плесковичи его любят – кому же и княжий меч вручить после Судислава, как не ему? И едва ли Милорада на самом деле может возражать против склонности дочери к такому парню – ворчит просто, потому что старшим положено ворчать, если молодежь пытается устраивать свои дела, их не спросясь.

Успокоившись, Дивляна уселась на ларь, сняла платок, отвязала от пояса гребень и стала расплетать косу. Она еще была полна впечатлений от встречи с Вольгой, ей вспоминался звук его голоса, тепло его рук, блеск глаз. Все это было ее сокровищами, и она перебирала воспо-

минания, как драгоценности в ларце. Душевный подъем наполнял девушку теплом, все в ней пело от сознания, что они увидятся снова, сегодня же, и завтра, а потом еще и еще... О битве, в которую он вот-вот отправится, она совсем не думала.

...Кто-то вдруг тронул ее за плечо. Дивляна открыла глаза и увидела склонившуюся над ней мать.

– Вставай! – позвала Милорада. – Идут уже.

– Кто идет? – Дивляна села на лежанке.

Летом, когда не было нужды в печке, она с сестрами и челядинками спала в повалуше – просторном чердаке, куда вела лестница из сеней. Стоять в полный рост здесь можно было только в самой середине, а вдоль стен было устроено несколько лежанок. Тут же помещались большие лари с одеждой и заранее заготовленным девичьим приданым. Сейчас, когда дети и часть челяди уехали, в повалуше спали и сами Домагость с Милорадой, чтобы освободить внизу место для собравшихся ратников. Собственный дом теперь ничем не отличался от гостиного двора, и Дивляна уже почти привыкла везде наткаться на чужих людей. Весенней ночью было еще прохладно, и она спала, забившись под овчинное одеяло, во всей одежде, в двух рубашках и кожухе.

Она огляделась: отца не было, мать стояла рядом с лежанкой полностью одетая.

– Гонец прискакал от Творинега – идут с Волхова находники. Отец дружину к мысу повел. Одевайся. Пойдем сейчас к Зубцову двору, а оттуда, если что, прямо в лес побежим. Принесла вот тебя нелегкая назад! – Милорада в сердцах всплеснула руками. – За тебя еще голова болит, будто Никани мне мало!

Никаня, к счастью, перенесшая роды довольно легко, уже вставала. Нынче на рассвете Милорада наскоро провела очистительные обряды, чтобы та могла выйти на люди из бани, где ей по правилам полагалось оставаться целых три седмицы. Молчана уже приготовила ребенка, плотно завернутого, с прикрытым личиком – до трех месяцев новорожденного никто не должен видеть. Тут же под рукой челядинка держала несколько прутьев из веника, чтобы сбить с толку злых духов – дескать, веник старый несущу! А что в пеленках, то кому какое дело?

Дрожа от волнения, Дивляна поспешно обулась, подпоясалась, пригладила косу. Вот, опять причесаться некогда...

– Холодно там, одевайся получше, – велела мать. – Да не копайся, русь ждать не будет.

Когда Дивляна торопливо сошла вниз, мать вручила ей заплечный короб, в который собрала съестные припасы, и четыре женщины с младенцем почти бегом пустились к Зубцову двору, крайнему в Ладогe, самому дальнему от реки, почти на опушке леса. Избы, мимо которых они проходили, выглядели вымершими, покинутыми – женщины по большей части уехали, мужчины были сейчас на берегу и ждали врага.

Зубцом звали ловца, который жил почти в лесу, так что по зимам волки, а то и медведи-шатуны приходили к нему под самые двери. Поэтому свой двор – земляную избу⁹, крошечную баньку да поставную клеть¹⁰, где хранилась охотничья добыча, – Зубец обвел настоящим тыном из бревен. Возле тына уже было многолюдно: здесь собрались почти все, кто оставался в Ладогe, но не мог сражаться. К Дивляне бросились ее подруги – Дубравка и Белка, Зубцова дочь. Дубравка осталась ухаживать за больной матерью, а Белка жила вдвоем с отцом-охотником, с которым не расставалась никогда. Она даже на зимний промысел ходила вместе с ним, умела ловко управляться с охотничьим луком на мелких зверей, разделывать туши, снимать и обрабатывать шкуры – тем и жили.

⁹ Земляная изба – землянка.

¹⁰ Поставная клеть – сооружение на высоком толстом столбе, чтобы не забрались звери.

– Я тоже хотела с мужиками идти, я же стрелять умею! – возбужденно говорила она, подбежав к Дивляне. Среднего роста, со светлой льняной косой, вечно растрепанной, поскольку слишком рано умершая мать не успела приучить ее к опрятности, с широко расставленными серыми глазами и вечными веснушками на носу, одетая в некрашенные серые рубахи, не очень красивая, но приятная на вид и бойкая нравом, она и сейчас не казалась испуганной. – Да отец мне говорит: иди отсюда, дура набитая, куда тебе с твоим беличьим луком против этих медведей! Боицца за меня сильно, вот и ругаецца! А я не боюсь! А если убьют его, куда я денусь-то? Пусть и меня тогда убьют!

– Успеют еще! – Молодая Родоумова вдова Снежица махнула рукой. Она не ушла, потому что вовсе ничего не боялась, во всем полагаясь на судьбу. Это была крупная, сильная, румяная круглолицая женщина, молодая и бездетная, бойкая, с громким голосом. На женских сборищах и павечерницах ее всегда было издали видно и слышно, но и с мужской работой, живя одна, она справлялась легко. Вот кто мог бы участвовать в битве наравне с мужчинами, и если бы до этого дошло, то уж Родоумиха не осрамилась бы.

– Вы, девки и бабы, слушайте! – Милорада замахала рукой, призывая всех подойти. – Если вдруг прорвутся сюда гады эти, вы смотрите, в кучу не сбивайтесь, бегите в лес, да все в разные стороны! Будете одна к другой жаться, всех вместе враз переловят! А рассыплетесь, как зайцы, тогда и вовсе гнаться не станут. Главное – по одной разбежаться. Поняли? И вы поняли? – Она строго глянула на Дубравку, Дивляну и Белку, которые и сейчас, слушая ее, жались друг к другу.

– Поняли, матушка, поняли, – закивали женщины. Милораду они слушались: верховная жрица Макоши, она пользовалась среди женщин уважением и влиянием не меньшим, чем Домагость среди мужчин. А может, где-то и большим: старшая дочь старшего рода, главная наследница Любошичей, Милорада говорила от имени самой ладожской земли.

– А давай посмотрим, – шепотом подбивала Белка Дивляну и Дубравку. – За плетнями схоронимся, поглядим. А если цыто – убежать успеем.

– Да я бы пошла, – Дивляна опасно покосилась на Милораду, – но мать косу выдернет, если увидит. Она и так все сердится, что я с дороги воротилась.

– А тебе коса-то еще пригодится, – хихикнула Дубравка. – Правду говорят, будто тебя плесковский княжич назад привез?

– Ну, было цыто-нибудь? – Белка склонилась поближе, с любопытством вытаращив глаза. – Ну, расскажи!

Дивляна собиралась ответить, но Дубравка вдруг схватила ее за руку:

– Стойте!

Все подняли головы и прислушались. Со стороны Волхова донесся громкий крик сотен голосов – яростный, протяжный вопль, в котором слышались и гнев, и ненависть, и отчаянная решимость.

– Началось... – Дубравка аж присела, будто ее не держали ноги. – Ой, боги светлые...

Три русских корабля приблизились к Ладоге на самом рассвете. Шли они, как и предсказывал Вологор, на веслах, убрав паруса, чтобы не рисковать, если при высадке вдруг резко поменяется ветер. Ополчение ждало их за мысом в устье Ладожки, где всегда приставали корабли. Места здесь было не слишком много – пустырь в несколько десятков шагов шириной, просторные клетки для товаров почти у самой воды, а далее еще разбросанные дома и огороды. Вестмар обнадеживал, что это даже хорошо: викинги не получают возможности наступать сомкнутым строем, как у них принято, им поневоле придется разорвать строй и наступать рядами между постройками, и в тесноте, где местные знают все закоулки, силы почти уравниются.

Домагость расставил людей так, как было решено на совете: впереди – ополчение, которое возглавлял он сам с другими старейшинами, сбоку, перед клетями, – Вестмар со своими

людьми. В кустах и за кузницами на мысу прятались десятки лучников, а на другом берегу Волхова, в зарослях – там не было никакого жилья, а лишь россыпь варяжских могил, – ждал его старший сын Доброня со своими родичами по матери, чудинами.

И вот показались вражеские корабли – с красными щитами на мачтах, с оскаленными, словно норовящими укусить мордами змеев на передних штевнях. Большие, узкие и длинные, вмещавшие человек пятьдесят-семьдесят каждый, они казались истинными змеями, вышедшими из озера Бездны, чтобы погубить все живое на этом берегу.

Охотник Мороз закричал совой, и по его знаку из кустов и с вершины мыса в людей на кораблях, хорошо видных сверху, полетели стрелы. Викинги были хорошо вооружены, многие в кольчугах или в доспехах из железных пластин на кожаной основе, в шлемах с полумасками. Гребцов прикрывали щитами их товарищи, и по большей части стрелы воткнулись в щиты, но кое-какие из них все же нашли своих жертв. Раздались первые крики, снизу в ответ тоже полетели стрелы, заставив охотников спрятаться в кустах и за постройками. Но между тем корабли, не замедляя хода, шли к устью Ладожки за мысом, где удобнее всего было высадиться на берег.

Ополчение ждало их, подойдя вплотную к воде, чтобы помешать высадке. Вождь викингов, стоявший на носу переднего корабля – его легко было узнать по наиболее богатому доспеху и шлему с позолоченной отделкой, – закричал что-то и метнул копье в толпу на берегу, метя в Домагостя, в котором тоже опознал воеводу. Домагость, державший меч и щит, от копья уклонился, но оно поразило в плечо оказавшегося позади него Миряту, Братомерова сына, – тот вскрикнул и упал бы, если бы в тесной толпе было куда падать. Крик его потонул в общем шуме – первый корабль с разгону вылетел на мелководе, но еще до того, как он остановился, викинги стали прыгать с бортов, посыпались горохом, прикрываясь щитами от летящих в них стрел и сулиц. Ладожское войско качнулось им навстречу – тогда над берегом и взлетел тот крик ярости и отчаяния, который слышали женщины возле леса. Крик, в котором слились все разнообразные чувства бойцов: жажда победы, ужас перед гибелью, смотрящей в лицо, боевая ярость, позволяющая не думать о смерти, а только о крови врага. Кто-то кричал от избытка боевого задора, кто-то подбадривал сам себя, стараясь подавить неизбежный страх, но вопль этот, будто призыв к Перуну о помощи, взлетел до самых небес – серых, хмурых, словно склонившихся к земле, чтобы лучше видеть. Заморосил дождь – последнее дело, поскольку на мокрой земле легко поскользнуться, а в бою достаточно на один миг утратить равновесие – и напорешься на вражеский клинок.

Викинги начали сражаться еще в воде. Иные из них из-за множества воткнувшихся в щиты стрел вынуждены были бросить их и держали оружие обеими руками – не жалея себя, уже зная, что не уйдут живыми, они рвались вперед, будто железный ураган, теснили ополчение прочь от берега, чтобы дать возможность товарищам ступить на твердую землю. Охваченные неистовством, они кричали и вопили, и от этого дикого, нечеловеческого вопля у мирных работников, не привычных к стихии битвы, кровь стыла в жилах и слабели колени. Через считанные мгновения первые из викингов, вышедшие на песок, становились жертвами чьих-то клинков и падали, мешая свою кровь с волховской водой. Однако большинство викингов быстро образовали сомкнутый строй, который двинулся на ладожан и буквально отбросил их от воды. Закипело яростное сражение: числом противники были почти равны, зато викингов отличали лучшее вооружение, выучка и опыт. Но ладожане, бившиеся на пороге своих домов, были полны решимости не отступать. Половина свейского строя оказалась напротив дружины Вестмара, продвижение замедлилось. Часть викингов не могла двигаться вперед так же быстро, как другие, и отстала; их строй начал растягиваться, даже разорвался ненадолго, хотя конунг, умело управляя боем, успевал затыкать дыры. Большинство ладожского войска постепенно отступало под напором лучше вооруженных и более опытных противников. У воды остались лежать тела – залитые кровью мертвые, раненые. Кто-то пытался отползти, кто-то силился

встать, кто-то захлебывался, не имея сил поднять голову из весенних холодных волн. Недавно шедший назад Волхов жаждал жертвы – и теперь он ее получал.

Вот ладожане уперлись спинами в клеть, и, видя, что они могут оказаться прижатыми к стене, Творинег, стоявший во главе мужчин своего рода, велел строю расступиться. Оказавшись перед бревенчатой стеной, викинги тоже были вынуждены разорвать строй и обходить клеть с двух сторон. Сражение закипело в промежутке между постройками.

А между тем Доброня решил, что его час настал. Чудины заранее приготовили горшки с тлеющими углями и запасы просмоленного сухого хвороста. Хворост подпалили, и пламя ярко вспыхнуло. От него зажгли факелы, и два десятка челноков устремились через Волхов прямо к стоящим за мысом русским кораблям.

Завидев их приближение, оставленные для охраны кораблей викинги принялись стрелять. Чудины сидели в челноках по трое: один греб, второй держал щит, прикрывая себя и товарища, а третий сноровисто пускал подожженные стрелы на корабль. Челноков было слишком много, викинги не успевали отстреливаться от всех, и некоторые чудины сумели приблизиться вплотную, откуда уже можно было кидать факелы и горшки с просмоленной соломой. Разлетаясь по кораблю, по скамьям, веслам и поклаже, все это горело, дымило, чадило, и едва викинги успевали затоптать или выбросить один факел, как ему на смену прилетало два других. Над кораблями начал подниматься дым, все более густой и плотный. Ветер понес запах гари.

На берегу уже почти ничего не осталось от того строя, которым викинги начали наступать. Сражение переместилось к домам и кипело между постройками, на огородах, среди свежих гряд, между обрушенных плетней. Кое-где ладожанам удалось зажать в угол утративших строй викингов и перебить какую-то часть полностью. Теряя друг друга в постройках, викинги не успевали прийти на помощь своим, получали удары в спину, не зная, откуда ждать нападения.

А тут поле сражения накрыло дымом. Еще в самом начале Сокол с Душилой подожгли заранее притащенные в клеть смоляные бочки, а сами бросились наружу. Разгоревшееся пламя охватило сперва одну клеть, потом соседнюю. Товары из них предусмотрительно были вынесены и заменены соломой и хворостом. Огонь оказался у викингов за спиной; душный дым окутывал причалы и пустырь, ставший полем битвы. Дым несло на людей, он слепил глаза, не давал дышать. Тем временем задымились и корабли.

Внезапно над беспорядочным шумом битвы разнесся звук рога: конунг давал своим людям сигнал к отступлению. Его дружина была рассеяна, поселение горело, уничтожая надежду на добычу, и выходило, что если он продолжит бой, то потеряет людей понапрасну, а вознаграждать себя за потери окажется нечем.

И викинги стали бегом отходить к своим кораблям. Чудские челноки, будто водомерки, шустро метнулись назад, к берегу. Черпая воду наспех снятыми шлемами, викинги заливали огонь на кораблях, взбирались на борт и хватали весла. Конунг отступал среди последних, несмотря на то что весь его правый бок под разрубленной кольчугой был залит кровью. Он не привык вести длительные сражения – убедившись, что легкой и быстрой победы не будет, конунг предпочел поберечь силы.

Окутанные серыми клубами, три корабля один за другим отходили от мыса и двигались вниз по течению Волхова, туда, откуда пришли. Позади они оставляли берег, укрытый дымом пожара, усеянный телами и скользкий от крови. В нескольких местах над постройками ревел огонь.

– Попробуй сунься еще раз – так отделаю, что в Валгаллу не пустят! – кричал вслед Вольга, грозя с мыса обломанным древком копья.

– Тушить, тушить, ребята, а не то все выгорит! – орал Домагость, который, пытаясь перекричать общий шум и треск пламени, почти уже сорвал голос.

Он сам решил поджечь клетки – пусть горят, новые можно поставить, лишь бы внести побольше смятения в ряды противника. И это ему удалось, но теперь пора было тушить, чтобы огонь не перекинулся дальше. Подожженные клетки стояли обособленно, дворы на возвышенной части берега были от них далеко, но следовало опасаться, как бы пламя не перекинулось на расположенный поблизости гостиный двор.

На счастье ладожан, от пожаров прошлых войн между заново застроенными местами остались большие промежутки, занятые огородами, и через них огонь не перешел. Загорелась только соломенная крыша на избе Озора-резчика, да три кузницы на мысу дымились: находясь слишком близко от кораблей, они пострадали от летящих снизу искр.

Но ветер дул в сторону Волхова. Всей толпой навалившись, ладожане разнесли горящие клетки, и те рухнули горами обгорелых бревен. Хорошо, вода близко: облив землю вокруг огромных кострищ, продвижение огня остановили. Русские корабли скрылись за изгибами берега, и теперь можно было перевести дух.

Если бы еще было чем. Вся Ладога была полна душного вонючего дыма и запаха гари. Стоял невыносимый шум, повсюду царил неразбериха: люди искали родичей, кто-то тащил на себе пострадавших, каждый старейшина собирал вокруг себя своих, смотрел, сколько у него уцелело, отправлял здоровых искать раненых. Домагость спешно скликал людей, чтобы послать дозор вслед за отступившей русью – проследить, далеко ли ушли. И все же в криках над берегом звучали радость и ликование от одержанной победы. Викинги были отброшены, ладожане прогнали их от поселения, не допустили грабежа и разорения. Но Домагость, глядя на мечущихся вокруг него людей, с ужасом думал, во что им обошлась эта победа – оставшихся на ногах было слишком мало. Викинги за огнем и дымом не разглядели, как немного уцелело их противников. Да они и вообще не ожидали, что им окажут такое решительное сопротивление. Пожалуй, именно это, а еще страх за свои корабли и опасение, что вся будущая добыча просто сгорит в пожаре, заставили их отступить.

Набрав и отправив дозорный отряд, Домагость наконец смог подумать о собственных родичах. Велема он уже мельком видел после отступления викингов и знал, что тот жив, Доброня находился на том берегу в относительной безопасности.

– Ваши-то все где? – Он поймал за рукав Ростилу, своего двоюродного брата из Братомеровичей. – Живые?

– Ой, стрый Доманя! – К воеводе вдруг кинулся Колога, сын Свеньши, весь закопченный, красный, с окровавленным лбом. – Батка ранен сильно! Где стрыйка Милорада? Хоть бы она перевязала!

– У Зубцова двора должна быть, – ответил Домагость и нахмурился. – Свеньша-то где? Колога, не ответив, пустился бежать.

На полпути он встретил Дивляну. Поняв по крикам, что викинги отошли и прямая опасность миновала, она вместе с Белкой и другими женщинами кинулась назад, к реке. Колога был первым, кого они встретили, но на вопросы он не стал отвечать, только еще раз спросил, где найти Милораду, и убежал. Подол рубахи у него был весь оборван и висел неровными лохмотьями чуть ниже пояса. От реки несло дымом и гарью, но огня уже не было видно. Вся дрожа, боясь даже подумать, что сейчас увидит, что случилось и насколько другой сделалась сегодня родная Ладога, Дивляна устремилась туда, где еще кипела толпа усталых, взмокших, окровавленных, пропахших дымом, закопченных и донельзя взбудораженных мужчин, в которых она с трудом узнавала своих родичей и соседей. Уже по этому было видно, как изменило их всех это короткое утро, – быть может, непоправимо.

Ближе к берегу Дивляна попала в толпу – многие были ранены, товарищи перевязывали один другого, останавливая кровь. Здоровые ходили по полю битвы, переворачивали тела, подбирали получивших тяжелые повреждения и неспособных встать, наспех вязали пленных – некоторые из русинов, тоже раненые, не смогли уйти со своими. Совсем «тяжелых» добивали,

чтобы не возиться. Чужих мертвых складывали в одну сторону, своих – в другую. Кто-то уже примерял осиротевший шлем. От огромных кострищ на месте прежних клеток тянуло дымом и жаром, угли еще пылали, но свой дом и отцовский гостиный двор Дивляна, к огромному облегчению, увидела целыми и даже почти невредимыми. Сражение не дошло до ее порога с десятков шагов – перед домом темнели на земле пятна свежей крови, валялись щепки от разбитых щитов и лежал чей-то шлем с окровавленным подшлемником и рванными ремнями, а в стену возле двери воткнулось копьё с обрывком веревки у втулки и черными рунами на основании клинка. Дивляна с ужасом смотрела на эти руны – из-за них само копьё казалось живым злобным существом, ядовитым змеем, который лишь чуть-чуть не дотянулся жалом до их домашнего очага.

Ее никто не замечал, и Дивляна шарахалась от ратников, как от ходячих мертвецов – все они сотней острых железных ключей растворили ворота в Навь, и темная тень смерти еще лежала на лицах. Но ей нужно было найти хоть кого-нибудь из своих, чтобы узнать: кто уцелел, кто погиб, кто ранен? Какую дань собрала Марена, Владычица Закрадного Мира, с родов Витонег, Братомера, Вологора, Синиберна? Среди тех, кто ушел в эту битву, человек сорок состояли с ней в той или иной степени кровного родства, не считая разнообразного свойства – все старые ладожские роды были так или иначе связаны друг с другом. Дивляна знала, что многих она больше не увидит живыми, – но кого? От волнения и страха слезы просились на глаза. Отец? Велем? Двоюродные братья, стрьи, вуи? Все они были ей дороги, и она осознала, что с сегодняшнего дня семья и род неизбежно изменятся, кого-то не будет больше никогда... и все же надеялась, что ее родных миновали черные крылья Марены, хотя в душе понимала, что надежда эта несбыточна.

О Вольге она старалась даже не думать. Ведь может быть так, что судьба только подразнила ее возможностью счастья, чтобы тут же отнять... Нет, не может!

Впереди мелькнуло знакомое лицо, и Дивляна ахнула. Через толпу навстречу ей пробирався Велем, замкнутый и мрачный. Оттого что Велем оказался жив и, судя по всему, вполне здоров, у Дивляны сразу полегчало на сердце. Протолкавшись к нему, она вдруг увидела, что брат держит за спиной что-то – мелькнули чьи-то свесившиеся ноги в башмаках, – а позади него идет Сокол. На сестру Велем только бросил угрюмый взгляд и тут же отвел глаза. Она подошла ближе и увидела, что Велем и Сокол несут на щите чье-то тело, увидела родное лицо, рыжеватую щетину на щеках, знакомую одежду, ворот рубахи, на котором она сама вышивала Перуновы звезды, сейчас почти не видные из-под темно-красной, почти уже засохшей крови. Братоня, Братонег, второй сын Домагостя и Кевы. Он был мертв, Дивляна поняла это сразу – слишком безжизненно свисали со щита руки и ноги, слишком изменилось лицо, и то, что Велем даже не пытался перевязывать глубокую рану на плече Братони, возле самой шеи...

Сердце ухнуло куда-то вниз, внутри разом похолодело, будто плеснули ледяной водой прямо в душу. Дивляна обеими руками зажала себе рот, подавляя крик от ужасного открытия. Вслед за холодом разом вдруг стало жарко, слезы сами хлынули из глаз. Братоня... как же так... У нее теперь только три брата, а не четыре... или еще меньше?

– Где... До... Доброня? Отец? – сдавленно прошептала она, порываясь схватить Велема за рукав и не решаясь это сделать, чтобы не помешать ему держать страшную ношу.

И тут же услышала голос отца, а потом увидела его чуть в стороне – Домагость, живой и здоровый, без шлема, со взмокшими и прилипшими ко лбу рыжеватыми, с налетом седины волосами, что-то бурно объяснял собравшимся возле него мужчинам, показывая в сторону Волхова, вслед ушедшей руси.

– Доброня тут где-то, – буркнул Велем. – Видел его. Еще Свеньша сильно ранен, Колога за перевязками побежал. Гребня видел, Ивора. Стоянке все зубы спереди выбили. Синяка ранен, идти не может, потом его домой понесем. Мать где?

– С Никаней сидит. У Зубцова двора, – ответила Дивляна и опять заплакала, одновременно думая, что, пожалуй, если бы убитым оказался Доброня, то было бы еще хуже. Он умер бы на следующий день после рождения своего сына, а Никаня осталась бы вдовой, как Даряша!

Братоня жениться не успел. Все говорил, да кто, дескать, за горбуна пойдет? Но ведь нашлась какая-то, недаром он все намекал, что на Красной Горке выберет невесту... Не сказал, кто это, взглянуть боялся... А теперь уже и не узнать, о ком шла речь... Теперь обнимет его Черная Невеста, Дева с Серебряным Серпом – Кошная Владычица Марена. Дивляна плакала всю дорогу, пока шла вслед за Велемом и телом Братони, и с каждым шагом, по мере осознания потери, боль все глубже и глубже впивалась в сердце.

У самого дома кто-то загородил ей путь. Почти наткнувшись на кого-то, она подняла глаза, увидела Вольгу – и запоздало испугалась, что совсем не думала о нем, не волновалась. Но сейчас обрадовалась, что он все-таки жив и здоров. В буром стегаче, который ему одолжили Дивлянины братья, с мечом из запасов того же Братони, уже без шлема, вспотевший, он при виде слез Дивляны растерялся, на лице его отразилось удивление, но она кивнула ему на мужчин впереди.

– Братоня... Убитый... И еще другие у нас...

Вольга молча обнял ее, и она, уткнувшись лицом ему в грудь, в жесткую кожу стегача, зарыдала в голос. Однако оттого, что Вольга оказался цел и мог ее утешить, Дивляне заметно полегчало.

Мертвых разобрали по домам. Вуя Свеньшу, раненного в грудь, принесли живым, и Милорада побежала к нему со своими травами, но опоздала: Черная Мать успела раньше. Всего погибших родичей оказалось четверо: Братоня и Гордеслав, сын Хотонегга, из рода Витонежичей, вуй Свеньша и брат Туроберн. Свеньшиному семейству пришлось тяжелее всех: оно лишилось сразу и отца, и сына. Стояня потерял два зуба – но не все, как ему поначалу показалось; остальные отделались легкими ранами и ушибами. И это еще было хорошо, потому что, принадлежа к довольно состоятельным семьям, все ратники из Витонежичей и Синиберничей имели стегачи, шлемы, щиты и хорошее оружие. Среди бедняков, тех, кому пришлось выходить на бой в кожухе и с топором на короткой рукояти, погибших было еще больше. Вольгина дружина потеряла шесть человек – плесковичи собирались на гулянья, а не на драку, меч взял с собой только сам Вольга, а остальным пришлось вооружиться тем, что нашел для них Домагость. «Вот так вот, – думала Дивляна, утирая мокрое лицо, – ехали за невестами, а стали все женихами одной невесты – Марены».

Никто не спал до глубокой ночи. Прямо на берегу разложили костры, чтобы было светлее, дружины поочередно несли дозор, ожидая, не вернется ли русь. До самой ночи Милорада с дочерью перевязывали раненых: женщин в Ладоге осталось мало, и многие из мужчин помогали им. Неожиданно полезными оказались пленницы Вестмара: все они до единой умели перевязывать раны и ухаживать за больными и работали без усталости, не присев, пока не покончили с самыми неотложными делами.

Но и потом отдохнуть толком не удавалось. И гостиные дворы, и клетки, и все жилье было забито; мужчины то ели, то пили, сменяя друг друга на лавках, и без умолку обсуждали битву, стараясь угадать, что будет дальше.

– Я его узнал! – кричал не остывший после битвы Вестмар, еще не сняв стегача и не выпив воды. – Клянусь Одином, я его узнал! Это он, Иггвальд конунг из Уппланда! Тот самый, что продал мне этих женщин! Его нельзя не узнать, я же видел его совсем недавно, я разговаривал с ним вот как с тобой, Дамгест! Это он! Вот зачем он спрашивал у меня, ездят ли еще торговые люди по Восточному пути! Он хотел знать, есть ли тут чем поживиться! Он поторопился и обманул сам себя! Тут нет пока никого, кроме меня! А чтобы ограбить меня, ему не надо было следовать за мной через Карьяльские заливы, он мог сделать это еще там, на Бьёрко!

– Есть и кроме тебя варяги, – воскликнул Вольга, позже услышав то же самое, поскольку только об этом Вестмар и говорил весь вечер. – У нас в Плесковке один варяг с дружиной был. Правда, тот мирный, нас не трогал. Говорил, будто ищет кого-то.

– Не меня?

– Нет вроде. А как, ты говоришь, этого змея зовут?

– Иггвальд конунг, Иггвальд сын Хали. Он свей с восточного побережья. А этих пленниц он отбил у Агнара конунга из Блекинге, когда встретил его в море, победил и забрал себе всю его добычу, два корабля и остатки дружин. А еще в Бьёрко говорили, что он в прошлые годы прошелся вдоль Северного пути и там ограбил несколько фюльков...

– Постой! – Вольга запустил руку себе в волосы. – Северный путь... Норег... А он, наш то есть варяг, говорил, будто ищет... того зовут Иговолд... Иголод... я плохо запомнил, чудное имя такое, но похоже на это. Про Норег он что-то говорил, я помню...

– Иггвальд! – повторил Домагость. – Может быть, что это и он. А зачем он его ищет? Он ему не родич?

– Да нет, я так понял... Скорее он враг ему! Так это что же получается... – сообразил Вольга. – Если наш, тамошний, враг этому, здешнему... Иголоду. Так можно, выходит, того на этого натравить?

– А как зовут вашего, тамошнего? – уточнил Вестмар.

– Зовут... – Вольга опять запустил пальцы в волосы и призадумался. Дивляна следила за ним, затаив дыхание: ее переполнял восторг оттого, что он так отличился в битве, и оттого, что сейчас отец и прочие лучшие мужи слушают его, парня, и напряженно ждут, что он скажет. – Род...

– Какой род?

– Да нет, его так зовут – Род. Или Ход. Как-то так. Короткое имя какое-то.

– Хрод? – предположил Вестмар.

– Может, и так. Не помню точно.

– Экий ты беспамятный! – Творинег покачал головой. – Вот как важное что, так и не помнишь. Одно слово – ветер в голове.

– Да ладно тебе ворчать! – укорил его Святобор и одобрительно потрепал Вольгу по плечу. – Нам Судиславич и так помог, себя не пожалел. Отцу твоему передам, что настоящий витязь у него вырос, защитник земли своей.

Вольга опустил глаза, но по его лицу было видно, что он доволен и горд этой похвалой старейшины и Велесова волхва. А потом глянул на Дивляну – слышала ли она? И у нее радостно стукнуло сердце – казалось, ради нее Вольга так хочет отличиться, хочет, чтобы именно она услышала, как его хвалят старики. Дивляна то ликовала, то вновь принималась плакать, и при взгляде на нее вспоминался летний день, когда одновременно солнце светит и дождь идет, веет сразу и теплом, и прохладной влагой, и падающие капли вспыхивают в золотых лучах...

Ближе к утру, когда люди немного отдохнули и подкрепились, решено было выслать дружину вслед за ушедшими кораблями противника – проследить, куда они делись. Вчера наспех посланный дозор вернулся, убедившись, что викинги ушли за Велешу. В то, что отброшенный Иголод сразу уйдет в море и больше не напомним о себе, никто не верил. Не так уж сильно они его и потрепали, и ему удалось увести в целостности не менее двух третей дружины. Да и отступил-то он, скорее всего, лишь потому, что вообще не ожидал встретить в мирном вике такой решительный отпор. Ведь ему было известно, что с тех пор, как отсюда были изгнаны Эйрик конунг и Льот ярл, в Альдейге нет ни конунга, ни ярла, ни даже каких-либо укреплений. А что здесь, в Серебряных Воротах, можно взять немалые богатства, он знал из преданий тех же свеев, из которых вышли прежние властители Ладоги. По примеру древних конунгов Иголод надеялся на легкую победу. И теперь весьма вероятным было то, что он после отдыха опомнится и попробует взять Ладогу еще раз, уже точно зная, как его тут встретят.

Вниз по Волхову на двух лодях отправился Доброня, взяв с собой два десятка парней и молодых мужиков. Вольга с ними не пошел, хотя поначалу намеревался. Успешное участие в первой в его жизни настоящей битве, да еще почти на глазах у Дивляны, так воодушевило плесковского княжича, что он готов был снова идти в бой, даже не переменяв рубашку. Но для него нашлось другое дело.

– Вот что, сокол ясный! – сказал ему Домагость. – Коли ты говоришь, будто у вас в Плескове есть варяг, что с Игволодом не дружит, то поезжай-ка ты к нему. Вызнай поосторожнее, точно ли он ищет Игволода... Игвальда сына Хали, из свейской земли, и зачем ищет. Если вдруг, сохрани чур, тот ему родичем или другом окажется, – молчи, а не то нам всем конец. А если правда ворог его, то веди сюда. Но сперва возьми с него слово, что он только с врагом своим ратиться будет, а нас не тронет. Иначе и дороги не показывай. Ну, отец тебя научит, Судиле Володиславичу ума не занимать.

Вольге не слишком хотелось уезжать, когда здесь оставались две вещи, к которым он рвался всей душой: ратная слава и Дивляна. На девушку, сидевшую в углу, он бросил неуверенный взгляд и прикусил губу.

– Это сколько же он проездит! – невольно воскликнула Дивляна. – До Плескова дороги...

– Три пятерицы, не меньше того, – хмуро пояснил Вольга. – Да там пока, да назад... Через месяц обернусь. Как раз к Яриле Сильному.

– Загад не бывает богат, – предостерег Домагость.

– Да нужен ли он будет через месяц, варяг-то мой? Лучше бы сам здесь остался. А то Игволод опять придет, а меня нету.

– Ладно тебе, Ярила ты наш! – вуй Ранята хмыкнул. – Уж где нам без тебя справиться! У тебя людей осталось сколько? Полтора десятка, и тех раненых половина. Нет, сокол, лучше мы без тебя пока как-нибудь сами, а ты нам настоящую подмогу приведи. Вот за то будут тебе честь и хвала.

– Да я бы... – Вольга снова посмотрел на погрустневшую Дивляну. – А кроме чести, будет мне награда какая?

– Обожди торговаться, – с понимающим видом отозвался Домагость. – Будет день, будет и награда.

Вольга улыбнулся, взъерошил волосы, подмигнул Дивляне и вышел собирать своих людей. Девушка, вспыхнув, проводила его взглядом. Она тоже поняла, о какой награде он говорил. И если все сложится так, как они мечтали, если в награду за свои подвиги Вольга получит невесту, то о них в Ладоге сложат песни и сказания, которые будут передавать потомкам еще много-много лет.

Понемногу светало. Выйдя во двор и заметив, что край неба на востоке совсем побелел, Дивляна даже удивилась: ей едва верилось, что закончился этот длинный, страшный, радостный и горестный день. Она уже сутки была на ногах, однако от возбуждения почти не замечала усталости. Хотя на берегу еще горели костры, народ почти затих: усталые ратники спали, кто на подстилках из травы и веток, кто прямо на земле, завернувшись в плащ. Дивляна прошла вдоль мыса, глянула вниз, вдоль течения Волхова. В этот предутренний час, казалось, сама земля в тревоге затаилась, прислушиваясь к малейшему звуку, ожидая, что враг снова даст о себе знать. Наверное, так же тихо было, когда прогоняли Люта Кровавого... Нет, тогда здесь все горело, кричали люди, с треском рушились горящие дома, тонули в Волхове пылающие лоды и челноки, окрашивая темную воду в цвет пламени, словно сам Волхов, будучи ранен, истекал кровью... Дивляна родилась много лет спустя после этих событий, и никто ей не рассказывал каких-либо подробностей, но сейчас она видела это так ясно, будто все проходило прямо у нее на глазах.

А лет за двадцать до того, когда свейский князь Ерик подчинял себе Ладогу и Любшу, земля пылала... Она оглянулась в сторону заросшего мыса: там было тихо и темно, а тогда и там бушевало пламя, и кровавые отблески падали на Любшин омут. А еще раньше... Говорят, когда словене пришли сюда впервые, на берегах Ладожки жили варяги... Привел их сюда Ингвар конунг – тот самый, что, по преданию, похоронен под Дивинцом, – и жил со своим родом тридцать лет и три года. А потом пришли с юга, двигаясь по Волхову, словене под предводительством своего князя, которого звали Година. Рассказывают, что он был мудрым и искусным кузнецом и однажды схватился с самим Волховом, пришедшим к нему в облике огромного змея, чтобы поглотить чужаков, но Година закрылся в своей кузнице и схватил змея-Волхова клещами, и тот был вынужден пообещать ему, что больше не тронет... Но Година со своим родом сгинул, когда явился из-за моря конунг Ерик, и в нынешней Ладоге не было людей, которые называли бы себя его потомками.

Что же это за земля такая? Дивляна огляделась, будто ждала, что молчащие сейчас сопки, темная вода, светлеющее небо дадут ей наконец ответ. Испокон века за эту землю бьются словене и варяги, те и другие строят здесь дома, торгуют, занимаются ремеслом, растят детей... но приходит еще кто-то, кому нужна эта земля, будто пряжка, соединяющая пути на Восток с путями на Север и Запад. Через Ворота Серебра уже сто лет течет поток серебра, нередко прибывая к ладожским берегам кровавую пену.

Кто-то вдруг окликнул ее. Дивляна вздрогнула и обернулась – на нее смотрел Вольга.

Мысли о прежних временах разом исчезли – Дивляна глубоко вдохнула, чувствуя, как тепло разливается в груди, и подошла к нему.

– Это ты, – сказал он и взял ее за руку. – А я думал, ты спать ушла. Вижу, стоит кто-то: ну, думаю, русалка!

– А ты и разохотился, на русалку-то. – Дивляна улыбнулась. – Ну что? Уезжаешь? Собрались?

– Сейчас едем.

Он помолчал, потом предложил:

– Давай пройдемся немного.

– А куда?

– До Дивинца хотя бы. Глянем, нет ли там чего.

Они пошли вдоль берега, и в предраассветной мгле хорошо знакомое место казалось особенным – будто оно находилось где-то на грани Яви и иных таинственных миров. Дивляна смотрела на привычные пустыри и видела на их месте строения – большие дома с опорными столбами, с вырытыми в земляном полу очагами, какие возводили здесь варяги, мастерские, кузницы, клетки для товаров и припасов, корабельные сараи. В дверях мелькали тени – те, кто здесь жил когда-то, кто был убит или изгнан с насиженного места. Появилась и пропала женщина средних лет, держащая за руку пятилетнего мальчика; Дивляна поймала грустный взгляд ее светлых глаз под почти бесцветными белесыми бровями, и почему-то защемило сердце... Но ей не было страшно: откуда-то она знала, что тени не причинят им вреда.

Вольга что-то рассказывал ей о битве, она слушала, но не могла сосредоточиться на его словах, потому что он держал ее за руку, и прикосновение теплой жесткой ладони было так приятно, что слова казались ненужными. Ей достаточно было лишь слышать его голос, знать, что он рядом, а рядом с ним она ничего не боялась: ни теней прошлого, ни угроз будущего. Сколько бы людям ни грозили смерть и страдания, скольких бы Марена ни уводила в свои темные подземелья, светлая богиня Лада снова соединяет руки парней и девушек, чтобы рождались новые люди на смену умершим, осваивались пустыри, строились корабли, прокладывались дороги к далеким новым землям.

Идти было довольно далеко, но она почти не заметила, как они пришли. Заблестел впереди огонь, в редящих сумерках показался Дивинец. У подножия холма горел костер, рядом

сидели несколько парней. Один из них нес дозор на вершине, вглядываясь в темную даль и ожидая, не загорится ли пламя на мысу Любши или на дальних сопках, – с тех пор как были получены тревожные вести, Домагость на каждой из этих возвышенностей держал постоянную стражу.

Поговорив с парнями, Вольга и Дивляна взобрались на вершину, куда вела по крутому склону узкая тропинка. Здесь были сложены приготовленные для костра дрова, а рядом сидел Бежан – парень из рыбаков. По бедности он не мог справиться себе никакого оружия, кроме топорика для дров, и поэтому вместе с такими же бедняками нес дозорную службу. Невыспавшийся, тощий, коротко остриженный, в вылинявшей шерстяной свите, из-под которой торчала серая конопляная рубаха с вытянутым подолом – слишком длинная для холостого парня, явно не своя, а подаренная каким-то добрым человеком, – он имел весьма недовольный вид.

– Не спишь, орел? – насмешливо окликнул его Вольга.

– Не спим, не дураки, – ответил Бежан, подавляя зевок. – А вы цыго тут ходите?

– Дозоры проверяем.

– Нецыго нас проверять... Ну, раз уж вы тут, поглядите пока, а я к Воронцу схожу – у него там каша осталась.

Бежан вприпрыжку поскакал вниз по тропе, Вольга и Дивляна остались на вершине одни. Отсюда было видно далеко – можно было пересчитать все костры возле устья Ладожки. Быстро светлело, повеяло теплым утренним ветерком, и Дивляна с радостью вспомнила, что идет травень месяц! Впереди – верхушка весны, тепло, солнце, цветы и ягоды, Ярилины праздники, пляски, песни, игры... Вот только бы не русь... Но даже русь сейчас казалась каким-то мелким и легко преодолимым препятствием. Она посмотрела на Вольгу и со значением улыбнулась, и он улыбнулся ей в ответ. Они думали об одном и том же, глаза их сияли.

– А ты помнишь, какой день сегодня? – шепнул Вольга, придвинувшись к ней ближе и обняв за талию.

– Нет, – тихо ответила Дивляна, потому что тепло его объятий, ощущение его близости дарили ей такое блаженство, что она не сразу вспомнила бы даже, как ее зовут.

– Красная Горка сегодня!

– Да ну, ты что? – Дивляна в изумлении повернулась к нему. За всеми этими тревогами она и не заметила, как миновала Навья Седмица.

Теперь их лица были совсем близко, она ощущала тепло его кожи, даже слегка прикасалась лбом к его небритой щеке, чувствуя покалывание щетины, и дрожала от восторга и возбуждения. Судя по частому дыханию, Вольгу наполняли те же чувства.

– Дивляна... Искорка ты моя... – шепнул он, слегка склоняя голову и прижимаясь горячими губами к ее щеке. Дивляна невольно прильнула к нему крепче, и ей показалось, что сейчас она умрет от счастья. – Я... Не зря я сюда ехал. Если, думал, до Купалы буду ждать, то уведет тебя кто-нибудь. Нет, поеду к Красной Горке, чтобы уж с самого начала все знали: моя она...

– Я ни с кем... ни с кем не пошла бы, только с тобой! Я тебя одного ждала, о тебе только думала... всю зиму...

– Ну, так давай теперь скажем Яриле Ясному, Волхову могучему, всем богам и предкам скажем... Будешь моей женой?

– Буду... – едва сумела прошептать Дивляна, не веря, что все это происходит не во сне. Все ее чувства были обострены опасностью и горем, но теперь, когда к радости общей победы присоединилась такая особенная, только ее, ни с чем не сравнимая радость, ей казалось, что уже не на земле она стоит, а на самом небе.

Вольга еще наклонился, она подняла к нему лицо, подставляя губы под его поцелуй, и от этого поцелуя по жилам словно потек жидкий огонь. Ничего подобного ей не приходилось переживать раньше, и она не чуяла под собой ног. Голова кружилась, все вокруг плыло, сердце,

казалось, вот-вот разорвется от счастья. И здесь, на священном холме, на грани между ночью и днем, между смертью и новой жизнью, над могучим Волховом, под первыми лучами встающего солнца, сами боги смотрели на них и слышали их слова любви и обещания быть всегда вместе.

– Э! Целуются! – послышался вдруг рядом недоуменный и насмешливый голос Бежана. Парень, взобравшись на вершину, еще утирал рот рукавом, а за поясом у него торчала блестящая свежеоблизанная ложка. – Я-то думал, и цыго их на ночь... на утро глядя принесло! Подите вы отсюда, а то я на вас буду пялиться, руотсей прогляжу.

Дивляна оторвалась от Вольги, спрятала лицо и потянула его прочь с холма. Ей уже было смешно и неловко, что их застали за таким занятием, но душу наполняло блаженство. Сбылось все, о чем она мечтала, и в священный день Красной Горки, на священном для ладожан месте Вольга перед богами и предками пообещал назвать ее своей женой. Ее судьба определилась, из мечты сделалась явью, желанное будущее засияло перед ней живо и ярко, заслоняя горести и тревоги сегодняшнего дня.

Глава 6

Когда совсем рассвело, Вольга со своей дружиной уехал. За день ничего не случилось, Милорада и Дивляна проводили время в домашних хлопотах, сбиваясь с ног: и раненых перевязать, и накормить всех. Хорошо, что Вестмаровы пленницы день и ночь работали и много помогали им, лишь ненадолго по очереди укладываясь отдохнуть. Милорада и не знала, как бы управилась без них, и не раз благодарила Вестмара.

Доброня со своей дружиной вернулся ближе к вечеру. Новости он привез не плохие, но и не так чтобы хорошие. Игволод ушел назад к Вал-городу, откуда и явился в Ладогу. За целый переход не будешь бегать туда-сюда, стало быть, надо думать, что Игволод собирается обосноваться там и отдохнуть, восстановить силы. А что потом? То ли назад за море, то ли опять сюда. Домагость еще раз порадовался, что отправил Вольгу за помощью – если не тот варяг, то ли Ход, то ли Род, то уж князь Судила, даст Макошь, и поможет. Уж Вольга отца уговорит. Ему, Вольге, есть за чем сюда стремиться. Вернее, за кем. Хоть Домагость и не одобрял сумасбродство молодежи, но сам себе должен был признаться, что оно пошло на пользу делу. Ну разве толковый парень поедет в такую даль, за три пятерицы в один конец, чтобы у него на Красной Горке невесту не перехватили! Ну ладно, если бы забрать и жениться, это другое дело. Но так, без сватовства, без сговора... Своевольный он парень, Вольга этот. Про таких говорят: коли и помрет, так хоть по-своему ногой дрыгнет! Да и путевая девица не поехала бы вопреки родительской воле с этим чужим парнем назад в Ладогу, где не ровен час сама бы попала в руки руси. Вот уж парочка, барашек да ярочка! Оба бестолковые... Домагость покачал головой, подавив ухмылку. Он видел, как сияли глаза у Дивляны, когда она провожала Вольгу, и с каким восторгом тот на нее смотрел. Тут уже все ясно. Вот побить бы русь – и пусть князь Судила сватов присылает. Все-таки роды знатные. Нельзя, как у простых, с игрищ невесту умыкать. Ведь княгиней будет настоящей, не как Святоборова Даряшка. Но, будучи человеком осторожным, Домагость не давал воли радостным мыслям и мечтам о свадьбах и очередных внуках, пока дружина руси стояла почти на пороге Ладоги.

– Так цыто, отец? – отвлек его Доброня, тем временем напившийся квасу из ковша, который подала ему Милорада.

– Дозоры будем держать – в устье, на Велеше и дальше, где всегда. А сами пока решим с отцами, как теперь быть. Ты иди отдыхай, а я пойду к свату Сивояру: пусть он своих в дозор снаряжает.

– Да его сейчас не застанешь: покойников провожает. – Милорада вздохнула. – Из сынков кого поймаешь разве...

Держа оружие под рукой, ладожане готовились хоронить своих убитых. У каждого из знатных родов имелись свои родовые угорья, где еще для прежних поколений были приготовлены могилы-сопки. Сначала для них выбиралось место, обкладывалось по кругу камнями, чтобы отделить мир живых от мира мертвых, и мертвое пространство внутри круга служительницы Марены освящали особым «черным огнем». Землю насыпали поначалу невысоко, и в нее закапывался прах сожженных в Маренином святилище умерших. Для следующего поколения сопка покрывалась новым слоем земли и понемногу подрастала. Самые большие сопки были на угорье Любошичей, а из ладожских – у Святоборичей и Путимысличей, которые из нынешних старейшин жили здесь еще со времен князя Годины. Сопки Витонезичей и Синиберничей уже не раз подсыпались и тоже выглядели величаво. Теперь их заново освящала «черным огнем» старая волхва Вельямара, сменившая в этой должности умершую бабушку Радогневу Любшанку, как самая знатная и сведущая из ладожских старух, пережившая всех детей и таким образом окончательно освободившаяся от забот матери. Жила она теперь не в Ладоге, где оставались

в роду Честомиличей ее многочисленные внуки, а на Велеше, где стояли неподалеку одно от другого святилища Велеса и Марены и где из крутого берега били священные Велесовы ключи.

Во многих домах снаряжали покойников. Обойдя всю родню, Дивляна уже знала, что Буревоичи потеряли убитыми четверых, в том числе Добровоя, Сивоярова младшего брата, очень уважаемого человека. Братомеричи готовились хоронить троих, но еще за двоих, тяжело раненных, приходилось каждый день приносить Марене жертвы, умоляя отступить. Везде слышались причитания вдов и осиротевших дочерей. Молодые парни – Братоня, Туряка, Горденя – лежали в долбленных домовинах, одетые в нарядные свадебные рубашки, подпоясанные свадебными поясами. Так положено: умерший до свадьбы на своих похоронах отмечает как бы и свадьбу разом, чтобы положенный человеку в земной жизни круг был совершен полностью и мертвец не возвращался, пытаясь дожить недожитое.

Сидя возле тела Братони, Милорада, Дивляна и Молчана, как единственные оставшиеся в доме женщины, пели свадебную песню жениху, стараясь, чтобы голоса звучали хоть с каким-то намеком на свадебное веселье:

– Братонегова-то матушка
На заре сынка породила,
Поскорей его взрастила,
По головушке погладила,
Гладила, приговаривала,
Уму-разуму учила:
Ты будь, мое дитяtko,
Счастливый, удачливый,
К добрым людям приветливый...

К вечеру, когда пора было отправляться в Маренино святилище, пришла Родоумова вдова Снежица. Она принесла с собой венки из травы и весенних цветов и один из них надела на голову Братоне. Шмыгая носом, Дивляна вспомнила тот вечер: все-таки она угадала правильно, Братоня собирался жениться на Снежице и даже сказал ей об этом – и вот теперь она пришла, чтобы быть невестой на его смертной свадьбе. Конечно, безродная рыбацкая вдова – не самая завидная невеста для потомка словенских князей, хоть и горбатого, но в роду она, пожалуй, прижилась бы. Бросила бы свою оставшуюся от мужа-рыбака покривившуюся избушку, хлопотала бы на гостинином дворе... Сейчас Снежица выглядела погасшей, поникшей и говорила почти шепотом. Опять ей не повезло.

– Ну ладно! – Домагость хлопнул себя по коленям и встал. – Дольше ждать-то нечего, пора сынку и в дорогу. Поднимай, ребята.

В святилище Марены уже устремился в небо столб дыма, а когда высаживались из лодей и выносили домовину, потянулся и второй. В эти дни хоронили многих. На пустыре были устроены сразу четыре крады – кладки из сухих дров, высотой по плечи человеку, просмоленные, переложенные берестой и соломой: для Братони, Гордеслава, Свеньши и его сына Туроберна, которых положили вместе. На четвертой уже лежал Толимил, старший внук Честомила. На крады поднимали домовины, сделанные в виде лодьи – носом на запад, в Подвечернюю сторону, куда погребальной лодье теперь предстоит плыть.

Возле каждой стояли родичи, немногие женщины причитали. Поджигал крады Велесов жрец Святобор, один из старейшин. Для этого обряда он оделся в торжественный наряд жреца – в медвежью шкуру, и оскаленная морда зверя, венчая голову, делала его истинным подобием Велесова зверя.

Свой венок невесты Снежица положила на грудь Братони и только тут с плачем начала причитать. Пламя вмиг охватило краду, обняло домовину, скрыло лежащее тело. Огонь ревел,

взлетая к небесам, а Святобор, обходя краду с медвежьим посохом, произносил заклятья к Роду, Маре и Велесу. Остальные молчали, и в гуле пламени им слышался шелест крыльев. Родная душа, очищенная священным огнем, невесомой и невидимой птицей отлетала в Сваргу. А черный дым от множества погребений, смешанный с тяжелым запахом гари, кружил над святилищем Марены, и казалось, сама Черная Птица¹¹ парит здесь на дымных крыльях.

Но вот убитых похоронили, их родичи ходили, по обычаю, в вывернутой наизнанку одежде в знак своей скорби. Еще несколько человек умерли, но в большинстве раненые постепенно поправлялись. Дозорные дружины, сменяя друг друга, стерегли Волховский путь, но Игволод, засевавший в Вал-городе, не показывался оттуда, видимо, тоже лечил раненых, чинил оружие и снаряжение. Дым погребальных костров развеяло ветром, земля впитала кровь, жизнь пошла почти обычным порядком – за исключением того, что за уехавшими детьми и женщинами пока не посылали, зная, что опасность отступила, но не миновала. Милорада и Дивляна оставались единственными женщинами в доме, и на них в эти дни свалилось столько забот, что и десятерым хватило бы с избытком. Были еще Молчана и Никаня, но челядинка днем и ночью ухаживала за роженицей и младенцем, по-прежнему жившими в бане. С другими молодая мать старалась даже не общаться, потому что пока не было времени как следует провести очистительные обряды.

А все обыденные хлопоты упали на плечи Милорады, ибо без хозяйки никак было нельзя. Как старшая жрица Макоши, она лечила раненых травами и заговорами, прямо из рук в руки передавая опыт бабок своей дочери, приносила искупительные жертвы Марене, чтобы та пощадила тяжелораненых, отступилась от них. Дивляна старалась перенять у матери все, что возможно. Заговаривать у нее не получалось – она легко запоминала слова заговора, но не чувствовала того слияния с духом божества, которое ощущали в эти мгновения Милорада или Яромила. Эту способность унаследовала от Милорады только старшая дочь, Дева Альдога. Зато Дивляна выучилась ловко варить отвары и готовить настои, делать разные припарки, перевязывать раны. И даже с этой тяжелой работой девушка справлялась легко, потому что вся она была полна образом Вольги, и мысли о нем заставляли ее день и ночь улыбаться. Это ощущение счастья передавалось всем вокруг, так что при виде ее сияющего солнечного лица начинали улыбаться даже хмурые мужики.

По ночам ей трудно бывало заснуть, Дивляна вертелась, ее била горячая дрожь, сердце трепетало, кровь бурлила и быстрее бежала по жилам, ум кипел, перед глазами проносились обольстительные картины будущего. Вот она сидит на своем свадебном пиру, в красном платье, с самыми дорогими ожерельями, вот идет с белым женским покрывалом на голове, в богатом уборе молодухи, ждущей первого ребенка. Вот у нее родится сын, потом еще один, потом еще пять, и все молодец к молодцу, такие же статные и веселые, как сам Вольга. А то она просто воображала, как он подойдет к ней и поцелует прямо перед всеми родичами, когда отец согласится на их обручение, – Дивляна уже ждала этого поцелуя с нетерпением и высчитывала, сколько времени должно пройти, чтобы отец разрешил справлять свадьбу. Если бы не погибшие братья, то ее можно было бы сыграть хоть сейчас, хоть завтра – приданое давно готово. Но когда-нибудь ведь это случится... Дух занимало от мысли, что если бы не поминания умерших, то уже довольно скоро она могла бы проводить ночи в объятиях Вольги...

Вестмар Лис собрался-таки ехать вверх по Волхову и дальше, как намеревался, на Волжский путь. Теперь у него появилась такая возможность, а изображать великого воителя без неотложной к тому нужды он не имел охоты. К тому же он потерял в битве одного из своих племянников: того, что был в вязаной шапочке, а Стейн это или Свейн, домочадцы Домагостя так и не успели запомнить. Как многие до него и многие после него, он отправился в первый поход, чтобы не вернуться. Может, отец и мать даже камень закажут резчику, чтобы тот изоб-

¹¹ Черная Птица – одно из многочисленных прозвищ богини Марены.

разил на нем хитрыми рунами надпись: «Аслауг и Бергфинн поставили этот камень по Свейну, своему сыну. Он погиб на Восточном пути». А похоронили его на другом берегу, за Волховом: свои могилы ладожане устраивали на жилом берегу, а противоположный, «чужой», отвели для погребения чужаков, в основном варягов, которые тоже так или иначе находили здесь свою смерть. И Вестмар безо всякого удовольствия думал о том дне, когда должен будет сообщить своей сестре печальную новость.

Домагость, узнав о его замыслах, невольно поджал губы: сейчас, пока Игволод оставался поблизости, потерять сотню умелых и хорошо вооруженных воинов было очень нежелательно. Но в то же время он понимал Вестмара и не мог возразить против его желания уехать.

– Видят боги, я помог тебе, когда ты в этом нуждался, и никто не скажет, что я отсиживался за чужими спинами! – говорил ему Вестмар. – Я потерял убитыми одиннадцать человек, и еще почти двадцать с трудом смогут грести из-за полученных ран. Больше я не могу тут оставаться, понапрасну кормить людей и пленниц. Мне нужно их продать, пока какой-нибудь отважный воин не отнял их у меня бесплатно!

– Ну, Велес с тобой! – Домагость развел руками. – Ты человек торговый, тебе свое дело надо делать. Вот только сам понимаешь: корабли твои остаются, а вернется этот змей...

– Без риска в нашем деле нельзя, иначе как бы мы получали прибыль? – Вестмар пожал плечами. – Но я принесу жертвы за то, чтобы по возвращении найти здесь и тебя, и твою семью, и всю Альдейгью целыми и благополучными.

Через несколько дней Вестмар, перегрузив товары и пленниц в небольшие речные лоды, которые можно протащить через волховские пороги, а потом, когда северные реки кончатся, на катках переволочь до новой воды, отправился в путь. Когда его люди рассаживали по лодьям живой товар, Ложечка, казалось, вполне готова была занять место среди своих прежних подруг. В суете последних дней она, с тех пор как окрепла, ночевала почти всегда среди них и делала ту же работу, что и все: заботилась о раненых, возилась возле котлов на кострах. Но теперь их пути разошлись: Велем взял Ложечку за руку и отвел в сторону, давая понять, что она остается здесь. Она смотрела то на него, то на Вестмара, и в глазах ее читались беспокойство и недоумение. Вестмар знаками постарался объяснить ей, что отныне ее судьбой распоряжается Велем и она должна остаться с ним. Она не понимала ни словенского, ни варяжского языка, и все это время с ней объяснялись только знаками.

Но Вестмара Ложечка поняла; на лице ее отразилось отчаяние, она рванулась к своим подругам с такой силой, что Велем от неожиданности выпустил ее руку. Она подбежала к лодьям и, плача и обнимая изможденных пленниц, стала кричать на совершенно непонятном языке. Они тоже обнимали ее, гладили по голове, что-то говорили, делали над ней какие-то знаки, отчасти похожие на варяжский «знак молота», которым призываются благословение и защита Тора. Она даже не думала о том, чья участь будет лучше – ее ли, остающейся в Ладоге, или их, увозимых на Волжский путь.

Наконец Вестмар, которому только женских слез не хватало, махнул рукой, и Велем увел свое приобретение. Ложечка шла за ним покорно, но рыдала так отчаянно, будто ее вели на смерть. Велем затолкал ее в клеть, опустевшую после того, как подъели все припасы, и на всякий случай подпер дверь крепкой жердью. Но внутри было тихо, она не стучала и не рвалась наружу.

Когда лоды Вестмара скрылись за изгибами берегов, Велем выпустил пленницу. Ложечка почти успокоилась и только что-то шептала. Милорада выдала ей косяк¹² льна и посадила шить рубаху – у нее ведь ничего не было, а та исподка, которую подарила ей Тепляна, уже нуждалась в замене. Ложечка покорно принялась за работу и шила очень искусно, что Мило-

¹² Косяк ткани – отрез.

рада сразу заметила. Ну и слава Макоши! Не косорукою какую им всучили, будет польза по хозяйству.

– Вот, смотри. – На ходу роясь в поясной сумке, Велем подошел к пленнице в надежде немного утешить ее. – Для тебя сберег.

Когда разбирали тела убитых викингов, он нашел у одного в кошельке небольшой бронзовый крестик на шнурке – литой, с причудливыми узорами, с каким-то кругом над перекрестием, похожим на солнце. И сразу подумал о Ложечке: помня, что спас ей жизнь, он относился к ней не просто как к очередной челядинке, а считал почти кем-то вроде приемной дочери. Вестмар говорил, что она из тех земель, где почитают знак креста, да и сам Велем перед битвой видел, как Ложечка молится, начертив на земле похожий знак и кланяясь ему. Домагость без уговоров отдал ему крестик – невелико богатство, особенно теперь, когда в распоряжении ладожан оказалось столько хорошего оружия, шлемов и всего прочего.

– Вот, возьми, – сказал Велем и протянул Ложечке бронзовый крест.

Слов Ложечка не поняла, но жест его был достаточно красноречив, а главное, она увидела амулет. Велем и сам не ожидал, что она так обрадуется. При виде крестика она переменилась в лице, покраснела, даже чуть ли не подпрыгнула и, торопливо схватив амулет с его ладони, сжала в руках и счастливо засмеялась. Черты ее оживились, карие глаза засияли. Она пробормотала несколько слов, из которых Велем не понял ровно ничего, но взгляд ее выражал такой восторг и благодарность, что он в смущении отвернулся и отошел. Ишь, засияла! Подарок Ложечка немедленно надела на шею и с тех пор с ним не расставалась.

С отъездом Вестмара хлопот поубавилось, но тревог не стало меньше. Каждый вечер ладожские старейшины собирались в опустевшем гостином дворе и толковали, как теперь поступить. Просто ждать, на что там решится Игволод, было неразумно, идти на него войной – не хватало сил. До возвращения Вольги с подмогой даже в лучшем случае оставалось не менее двух-трех пятерниц.

Никто не знал об этом лучше Дивляны – она считала дни, нанизывая их, как крупные бусины, на нить своего ожидания. Она даже не тосковала – ведь впереди ее ждало самое большое счастье – и все же жаждала, чтобы Вольга вернулся побыстрее. В душе он каждый миг был рядом с ней, но от этого она не меньше хотела поскорее увидеть его наяву. Ей снились по ночам его объятия, поцелуи, и она просыпалась, вся дрожа, с тем же огнем в жилах, с разлитым по телу мучительным и таким сладким томлением. Она была так полна этим, что даже постоянная опасность, нависшая над головой, не занимала много места в ее мыслях. Это была весна ее счастливой любви, и никакой Игволод не мог у нее этого отнять.

А отцы, рассудив так и этак, решили снарядить к Игволоду посольство.

– Скажем, что готовы выкуп ему заплатить, лишь бы не разорил Ладогу, и даже дань пообещаем давать, если потребует, – убеждал старейшин Рановид. – Ему, чай, тоже неохота кровь проливать, если задаром все дадут. А пока торговаться будем, да пока выкуп собирать – глядишь, и Вольга с плесковскими и со своим варягом подойдет.

– Вот еще – дань обещать! – Кузнец Зоря был не в восторге от этого предложения. – Видали мы уже таких даньщиков! Еле выжили упырей, а тут новый нам на шею явился!

– Да мы и не будем ему платить! Нам главное, чтобы он до кресеня смирно сидел и нас воевать не ходил. А там мы и сами повоюем.

– Да если слух пойдет, что Ладога опять руси дань платит, много охотников найдется нашими трудами богатеть!

– Не успеют слухи пойти. Он, Игволод, назад в море живым не выйдет.

– А одно при руси было хорошо: другие не лезли! – вздохнул Синиберн. – И торговый путь охраняли, городки стояли с дружинами... А теперь ни дружин, ни торгов, ни серебра...

– И драли с нас три шкуры! – возразил Зоря.

– Если бы вот таких варягов найти, чтобы охраняли. А шкуры не драли, тогда бы другое дело, – заметил Домагость. – За доброе дело мы бы и заплатили. Ведь будут торги, будет и серебро.

– Да где ж найти таких? Варяги – они что волки: сколько ни корми, все мало.

– Само слово такое, – улыбнулся Вологор, муж вуйки Веледары. Он родился в земле свеев, но в Ладоге жил уже лет тридцать и даже тут женился, чтобы осесть навсегда; по-словенски он давно говорил свободно, но от прежних «немых» времен у него осталась привычка при разговоре помогать себе руками. – «Варг» или «вараг» – значит «волк», а еще лихой человек, за злые дела изгнанный.

– Что же они сами себя так называют? – хмыкнул дед Путеня. – Или от волков род ведут?

– Да нет, это только наши варяги – варяги. А те, что за морем, те каждый по своему племени называется: одни свеи, другие вестготы или ёстготы, смалёндцы, а где Норег – там и рауды, и хёрды, и трёнды, и халейги.

– Видно, какие первыми тут поселились, Ингварь с родом своим, они те изгой и были.

– Да нет, – Домагость усмехнулся. – Не стали бы они сами себя волками называть. Видать, когда их уже тут много стало, они и начали друг на друга кивать: вы им меха не продавайте, продавайте нам, а то они люди худые – волки, а не люди, варги то есть. Так и пошло...

– Ладно кошуны сказывать! – Зоря хлопнул ладонью по столу. – На чем порешили, отцы?

– Засылаем послов? – Домагость обвел глазами бородатые лица, смутно освещенные несколькими лучинами.

– Засылаем! – Путеня кивнул, и почти все закивали вслед за ним. – Только ты, Витонечич, сам придумал, сам и исполняй.

– И исполню. – Домагость тряхнул густыми волосами. – Недаром отец мой с мечом Люта Кровавого из Ладоги вышибал – и я не трусливее буду!

Через день Домагость с дружиной, собранной по большей части из сыновей и племянников, отправился на лодьях вниз по Волхову, чтобы через Нево-озеро дойти до устья Сяси. С ним было почти восемь десятков человек – пусть этот Игволод не думает, что ему будет легко взять здесь добычу. Дивляна, как и другие оставшиеся в Ладоге женщины, не находила себе места. А вдруг случится еще одна битва? А вдруг Игволод посчитает это удобным случаем истребить часть ладожского ополчения, чтобы потом явиться сюда и добить остальных? Перед отъездом Домагость, как старший в Ладоге жрец Перуна, принес на Дивинце жертвы небесным богам, прося у них милости в предстоящем походе, а Святобор-Сивояр поднес дары Велесу, Марене и богам нижнего мира.

Дорога по Волхову, потом по Нево-озеру и после немного по Сяси занимала обычно два дневных перехода. То есть в случае благополучного итога ждать посольство обратно следовало примерно через семь-десять дней. Все время, свободное от домашних забот, Дивляна проводила на вершине Дивинца. Глядя на Волхов, она ожидала вестей от отца, но чаще мысли и воспоминания уводили ее к Вольге. Дивинец теперь был для нее полон образом плесковского княжича, и даже на холодном речном ветру находиться здесь ей было приятно. Казалось, сам Вольга незримо стоял рядом, и Дивляна снова ощущала тепло его объятий и знала: в этот миг, когда она думает о нем, он тоже думает о ней, где бы ни был. Со времени его отъезда прошло уже почти три седмицы, и, если все сложится хорошо, еще дней через десять-пятнадцать его можно ждать назад... О боги, неужели эти долгие дни когда-нибудь пройдут?

Домагость вернулся даже чуть раньше, чем его ждали, и, к счастью, благополучно. Ему не удалось повидать самого Игволода, переговоры с ними вели его люди, встретившие ладожан возле порогов на Сяси, перед Вал-городом, где Игволоду пришлось оставить свои корабли и охрану для них. Но местное население рассказало, что варяги расположились в Вал-городе, заняв уцелевшие дома частью перебитых, частью разбежавшихся жителей. Сам Игволод был

ранен в бок и правое плечо, чем и объяснялось его нынешнее бездействие. Правда, он не раз уже посылал своих людей вдоль Сяси, и еще несколько чудинских и словенских сел было разграблено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.